

РАЗВОД С ОГНЕННЫМ ДРАКОНОМ Я ВЫБРАЛА СЕБЯ

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВ

Александр Витальев

Развод с огненным драконом. Я выбрала себя

<https://litres.ru/74281214>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город уже перемыл мое имя вместе с его свадьбой: Рейнар Ард выбрал род, новую невесту и печать, а мне оставил только руки. Я сняла комнату в доходном доме на Медной улице, выкупила старую печь и начала варить стекло на свое имя, чтобы ученики, заказы и счета впервые принадлежали мне. На третий день он появляется на пороге как глава городской стражи: мои выбросы якобы грозят кварталу, и он обязан закрыть мастерскую. Внутри моих трещин он видит то, чего видеть не должен, и теперь ему нужен мой огонь, чтобы спасти свой род от чужой лжи. Я не вернусь в брак, где мой талант считали семейной печью, и я не отдам свое стекло тому, кто однажды уже выбрал без меня. Вопрос только в том, согласится ли он на этот раз работать рядом, а не поверх меня.

Содержание

Глава 1. Письмо на столе	4
Глава 2. Ключ от кухни	23
Глава 3. Чужие духи	40
Глава 4. Ключ у двери	56
Глава 5. Сломанная дверь	74
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Александр Витальев

Развод с огненным драконом. Я выбрала себя

Глава 1. Письмо на столе

Письмо лежало на столе так, будто его принесла не почта, а чья-то неловкая рука. Тонкая бумага, тяжелый сургуч с гербом Ард, и на обороте - мой собственный почерк, которым я когда-то подписывала чужие счета. Я узнала его раньше, чем успела дойти до стола.

Сапоги мои пахли гарью от печи, которую я с утра чинила на Медной улице, и этот запах мешался с холодным воском от письма. Три недели тишины - и вот снова его рука, протянутая через чужую бумагу. Я замерла у двери, не снимая передника, и коснулась конверта кончиками пальцев. Так меня учили проверять стекло на трещину - легко, будто здороваешься, а не хватаешь. Сургуч был цел, подделка не чувствовалась, но буквы на конверте выведены не его рукой, и от этого мне стало хуже, а не легче.

За спиной скрипнула половица. Я не обернулась, потому что знала, кто там стоит. У него всегда скрипела именно эта доска, и он никогда ее не чинил, будто хотел, чтобы я слы-

шала каждый его шаг.

- Не входи, - сказала я, не повышая голоса. - Запись о разводе на столе. Цеховой покой.

Он остановился. Я почувствовала это спиной, как чувствуют чужое тепло через стекло.

- Лада, - сказал он, и голос у него был тот самый, низкий, властный, которым он отдавал приказы страже. - Это касается печати.

- Меня - нет.

Я развернула письмо. Почерк был ровный, чужой. Объявление о бракосчетании главы городской стражи Рейнара Арда с наследницей рода Сольвей, Ингрид. Дата через месяц. И внизу, от руки, которую я тоже узнала: "Печать мастерской остается в реестре рода. Уточните у дяди". Торвен. Конечно, Торвен.

Я положила письмо обратно на стол, аккуратно, углом к углу, как кладу заготовки перед варкой. Руки мои не дрожали, и это было важнее всего остального.

- Ты знал, что печать не снята? - спросила я, и это был не вопрос, а проверка стекла на просвет.

Он молчал. Я слышала, как он дышит, как пахнет от него железом и холодной золой, и как за стеной, на Медной улице, мои мальчишки-подмастерья стучат молотками по жести, и этот стук звучит ровно, как мое собственное сердце.

- Я пришел не за этим, - сказал он наконец.

- А за чем?

- Проверить копать на стенах соседних домов. Предписание.

Я впервые обернулась. Он стоял у порога, и впервые за три недели я видела его не как мужа, а как главу стражи. Мундир застегнут до горла, руки за спиной, лицо такое, будто он проглотил собственный герб. И глаза, в которых не было ни капли вины, только усталая деловая злость.

- Я не пущу тебя, - сказала я. - Запись о разводе, пункт четвертый, цеховой покой. Без моего согласия ты не войдешь.

- Я глава стражи.

- А я мастер. И моя печь стоит на моей земле.

Он смотрел на меня, и я видела, как у него дернулся мускул на скуле. Он привык, что я отступаю. Он привык, что я говорю "да, Рейнар" и несу ему чай, и подписываю то, что он подсовывает. И вот я стою перед ним в замасленном переднике, с сажей под ногтями, и говорю "нет".

- Тогда я пришлю инспектора, - сказал он.

- Присылай. Я открою ей дверь.

Я шагнула к столу и взяла письмо. Сложила его ровно, спрятала в карман передника. Бумага жгла бедро через ткань, но я не показала этого.

- Ты даже не прочла, - сказал он, и в голосе впервые мелькнуло что-то человеческое.

- Прочла. Твоя новая невеста и печать моей мастерской, которую твой род решил оставить себе. Хороший день, Рейнар. Ступай.

Он не двинулся. Я видела, как он смотрит на мои руки, на пальцы, которые больше не носят его кольца, и впервые поняла, что он считает их. Потом он развернулся и вышел, и доска под его ногой скрипнула так же, как три года назад, когда он впервые вошел в этот дом.

Я закрыла дверь на ключ. Ключ был мой, единственный, который я держу сама, и он лег в ладонь приятной тяжестью. Потом я подошла к окну и посмотрела на Медную улицу, где меня ждала моя мастерская, и где меня ждали два мальчишки, которых я учу резать край.

Я достала письмо из кармана. Перечитала приписку Торвена. Потом аккуратно разорвала бумагу пополам, потом еще раз, пока от нее не остались только мелкие клочки, и бросила их в ведро с водой. Бумага намокла и осела на дно, и вместе с ней осело что-то у меня внутри. Завтра я пойду в городской архив и подниму реестр мастерских. Завтра я узнаю, почему моя печать все еще числится за родом Ард. А сегодня я вернусь к печи, потому что у меня заказ от Марты Зинич на зеркальное блюдо для чайной, и потому что моя жизнь больше не пишется чужим почерком на чужой бумаге.

Я сняла передник, накинула плащ и положила в карман тетрадь с записями. Рука на мгновение задержалась на дверной ручке.

- Ключ от кухни, - сказала я вслух, и собственный голос показался мне чужим. - Ключ от моей кухни.

И вышла, не оглядываясь.

Печь на Медной улице я разжигала сама. Не потому что мальчишек жаль, а потому что моя правая рука помнила жар лучше любой книги, и если я хотела, чтобы первая калка легла ровно, я обязана была сама положить уголь, сама выровнять заслонку и сама услышать, как стены жаровни отвечают на огонь.

Утро пахло мокрым камнем и дымом от соседней пекарни. Соня уже сидела у верстака, маленькая, большеглазая, с перевязанной ладонью - вчера обожглась о заготовку, и я сказала ей держать прут ниже, а она не послушалась.

- Мирца пришла, - сказала Соня, не отрывая глаз от стекла.

Я обернулась. Мирца стояла у двери, и фартук у нее был завязан так, как она завязывала его в родовом доме Ард, - тугим узлом на боку, чтобы не мешал кланяться. Я молча показала ей на лавку у стены. Она села, не раздеваясь, сложила руки на коленях и начала их мять.

- Лада Мирен, - сказала она, и голос у нее был тот самый, осторожный, которым она докладывала о гостях. - Я пришла не от них.

- А от кого?

- От себя. Я вела записи по мастерской три года. Мне есть что сказать совету, если ты меня позовешь.

Я молчала. Мирца смотрела в пол.

- Я знаю, как закрывали печать, - сказала она наконец. - И я знаю, кто подписывал.

- Почему сейчас?

- Потому что вчера Торвен Ард вызвал меня к себе и спросил, где я храню старые ключи. А я их отдала тебе.

Я медленно выпрямилась. Уголь в жаровне трещал ровно, и это хорошо, потому что если бы он зашипел, я бы не услышала, как бьется мое сердце. Ключи от мастерской на Медной улице я получила от Мирцы в первый день после развода, и это были единственные ключи, которые я держу сама. Торвен искал их не потому что хотел войти. Он хотел убедиться, что я не смогу доказать, кто открыл дверь подменной печати.

- Я тебя позову, - сказала я. - Но сначала закончим заказ.

Мирца кивнула и встала. У двери она остановилась.

- Лада Мирен, он ищет не ключи. Он ищет запись о первой калке. Твою запись.

Я поняла. Первая калка - это пробное блюдо, в которое я вдохнула кроху своего огня в первый день работы. Если трещина покажет чистый отлив, значит, печь моя. Если покажет чужое пламя - значит, род Ард успел подменить жаровню до того, как я сюда вошла. Эту запись я сделала в своей тетради, единственным почерком, без родовой печати. И Торвен это знал.

- Я спрячу тетрадь, - сказала Мирца.

- Нет, - ответила я. - Я спрячу ее сама. У меня есть место, куда он не сунется.

Она кивнула и вышла. Соня проводила ее взглядом и тут

же забыла, потому что у нее в руках было стекло, а стекло для ученика важнее всех тайн на свете.

Я подошла к печи, взяла длинный прут, подделала заготовку и посмотрела, как она тянется. Стекло дышало, и в его дыхании я слышала свой собственный пульс. Это была моя печь. Моя. Даже если в реестре она все еще числилась за родом Ард.

- Соня, - сказала я, не оборачиваясь. - Поддай клещи.

- Уже, мастер, - ответила она, и голос у нее дрожал от старания быть полезной.

Я взяла клещи, вытащила заготовку, положила на каменную плиту и накрыла полотном, чтобы остывала медленно. Через час в этом блюде появится трещина, и я узнаю, лгут ли мои стены. И если они чисты - значит, мой огонь сильнее их подмены. А если нет - значит, у меня будет еще одна причина идти в совет с тетрадью и голосом Мирцы.

Я сняла передник, вытерла руки и подошла к шкафу у дальней стены. Там, под слоем старых чертежей, лежала моя тетрадь. Я достала ее, положила в кожаный мешочек, который всегда ношу на груди, и вернулась к печи. Тетрадь легла под ребра, привычной тяжестью, и я выдохнула.

За стеной кто-то прошел. Шаги были тяжелые, уверенные, и я узнала их раньше, чем услышала стук в дверь.

- Лада, - сказал Рейнар Ард снаружи, и голос у него был глухой, будто он говорил через стекло. - Я принес протокол осмотра. Открой.

Я не двинулась. Тетрадь грела грудь, печь дышала, Соня смотрела на меня круглыми глазами.

- Протокол оставь у двери, - сказала я. - Я подпишу и верну.

Молчание. Потом он сказал:

- Лада.

- Протокол, Рейнар. У двери.

Я слышала, как он выдохнул. Потом бумага скользнула по порогу, и шаги ушли. Соня выдохнула так громко, что я почти рассмеялась.

- Мастер, - прошептала она, - а если он не уйдет?

- Уйдет. У него сегодня совет по копоту.

Я наклонилась, подняла протокол, не глядя в него. Положила на полку. Завтра я подпишу его сама, своим именем, и это будет первый документ о моей печи, в котором не будет ни одной буквы от рода Ард. Пусть Торвен ищет ключи, пусть ищет записи. Моя печь дышит, мои ученики смотрят, и моя тетрадь лежит у меня на груди, там, куда он не сунется.

Час в мастерской тянется как чугун. Я проверяла заслонку, подбрасывала уголь, протирала каменную плиту. Соня сидела у верстака, перебирала заготовки, тихо считала вдохи, чтобы не уснуть. Я тоже считала. Сорок три. Сорок четыре. На сорок пятом в блюде что-то изменилось.

Я сняла полотно. Стекло лежало на плите, уже прозрачное, и по дну бежала тонкая линия. Трещина. Я наклонилась, опустила лампу, и трещина ожила. Она была не моей. Чужой

огонь, рыжий, с желтой сердцевинкой, и в нем, если смотреть долго, проступал чужой герб. Ард.

Руки мои похолодели, потом потеплели. Это не моя печь лгала. Это мой родовой знак все еще стоял на стене, как замок, который забыли снять. Я выпрямилась, убрала лампу, и Соня смотрела на меня так, будто я сейчас ударю по столу. Я не ударила.

- Мастер, - шепнула она, - что там?

- Чужой огонь, - сказала я. - Не мой.

Она опустила голову. Я накрыла блюдо снова, села на лавку и положила тетрадь на колени. Запись о заказе, цена, срок, подпись заказчика. Я открою эту страницу на совете. Не для Ингрид. Для себя.

Стук в дверь. Ровный, уверенный, без торопа. Соня подскочила, я положила руку на ее плечо.

- Сиди.

Я встала, подошла к двери, но не открыла.

- Кто?

- Олда, - ответил женский голос за дверью. - Инспектор по ремесленным печам. При мне печать совета и свидетель.

- Минуту.

Я вернулась к плите, сняла полотно, взяла блюдо двумя руками и понесла к двери. Так, чтобы трещина была скрыта от света, чтобы никто не увидел чужого герба раньше времени. Открыла одной рукой.

Олда стояла на пороге в дорожном плаще, с печатью на

груди и свитком в руках. За ней Марта Зинич, соседка, в переднике, с чайной кружкой, которую она забыла отдать с утра. Я смотрела на кружку, на печать, потом на Олду.

- Входите, - сказала я. - Только быстро. У меня заказчик с минуты на минуту.

Олда вошла, Марта за ней, и я видела, как у Марты разбежались глаза по мастерской. Она искала, что увидит, и я знала, что к вечеру весь квартал будет знать, что у меня побывала инспектор. Пусть.

- Протокол о копоты, - сказала Олда, кладя свиток на верстак. - Жалоба от жильцов дома напротив. Серая копоть на стенах второго этажа. Я должна осмотреть печь, дымоход и задвижку.

- Осматривайте, - ответила я и отступила от плиты.

Олда подошла к жаровне, наклонилась, провела пальцем по внутренней кромке. Пальцы у нее остались в саже. Она понюхала сажу, вытерла руку о платок, посмотрела на меня.

- Печь чистая, - сказала она. - Сажа печная, не серый нагар. Запаха серы нет.

- Я знаю, - сказала я. - Потому и не закрывала заслонку.

Олда кивнула, записала в свиток. Марта переминалась у двери, кружка у нее дрожала. Я подошла к Олде, положила блюдо на верстак так, чтобы трещина оказалась к свету.

- Это мой первый заказ под собственным именем, - сказала я. - Заказчик - Ингрид Сольвей. Племянница советника. Она будет через несколько минут. Я прошу вас остаться

свидетелем на приемке.

Олда посмотрела на блюдо, потом на меня, потом снова на блюдо.

- Я инспектор, а не свидетель при торге.

- Вы сегодня и то и другое, - ответила я. - Потому что если в этом блюде найдут чужой огонь, совет закроет не мою печь. А мою репутацию.

Олда положила перо. Марта сделала шаг к верстаку, и я впервые за утро почувствовала, что не одна. Соня подошла сзади, дышала мне в затылок, и я слышала, как у нее стучит сердце. У меня тоже. Тихо, но стучит.

За дверью шуршало платье. Я выпрямилась, убрала волосы под платок и ждала. Ингрид Сольвей сейчас войдет, и я покажу ей блюдо, и она увидит в трещине не мой позор, а чужой герб. И тогда ей придется выбирать, на чьей она стороне. На стороне рода Ард, который запер мою печать. Или на стороне мастерской, которая впервые варит на собственный уголь.

Дверь открылась без стука. Ингрид Сольвей вошла так, будто делала мне одолжение, и я сделала то, что должна, - отступила на полшага, чтобы она заняла середину мастерской. За ней тенью стоял советник в дорожной шубе, без имени на табличке, просто сопровождение.

- Вот мое блюдо, - сказала я и положила заготовку на верстак ладонью вверх. Трещина уже была видна, рыжая, с желтой сердцевинкой, и я видела, как у Ингрид дрогнули ресни-

цы. Она увидела герб. Она знала, чей он.

- Я просила блюдо без чужого огня, - сказала она ровно.
- А здесь чужой.

- Да, - ответила я. - Это и есть мой ответ. Я не могу сварить чистое стекло, пока на стене висит чужая печать. Ваш род не снял ее при разводе. Значит, формально я все еще мастер рода Ард. И пока я в реестре мастерских числюсь вашей собственностью, я не могу поручиться, что в каждом изделии не проступит ваш герб.

Ингрид молчала. Советник за ее спиной шагнул вперед, будто хотел вмешаться, но она подняла руку - жест, которому он подчинился.

- Я пришла за заказом, - сказала она. - А вы приглашаете меня смотреть на чужой герб в блюде.

- Я приглашаю вас решить, на чьей вы стороне, - ответила я. - Снять печать вы можете одним росчерком. Рейнар Ард - тоже. Я не могу снять ее сама, пока ваш род числит меня в реестре.

Я слышала, как Марта выдохнула. Олда подняла голову от свитка.

- Печать мастерской, - сказала инспектор сухо, - снимается тройной записью: муж, жена, печатник. Если одна подпись отсутствует, печать считается действующей.

- Я знаю, - ответила я. - Поэтому я прошу свидетелей.

Ингрид Сольвей посмотрела на блюдо, потом на меня, потом снова на блюдо. Впервые за утро я увидела на ее лице

не игру, а решение. Она шагнула к верстаку, наклонилась, посмотрела в трещину и увидела то же, что видела я, - чужой герб в чужом огне. Не мой позор. Их замок.

- Я поговорю с Рейнаром, - сказала она тихо. - Сегодня. До заката. Если он подпишет снятие печати, блюдо ваше.

- Блюдо уже мое, - ответила я. - Я не отдаю изделия с чужим огнем. Я возвращаю залог, если заказ сорван.

Она подняла голову, и я впервые увидела в ней не племянницу советника, а женщину, которая поняла, что вошла в мастерскую за чужим решением, а выйдет за своим. Она кивнула советнику, и они вышли. Духи остались в мастерской, сладкие, приторные, как обещание, за которым не стоит ничего. Соня чихнула.

Олда сложила свиток.

- Запись сделана, - сказала она. - Печь чистая, жалоба закрыта. Бумага остается у меня до завтра.

- Спасибо, - сказала я.

Она кивнула и ушла. Марта задержалась у двери, кружка в руках уже не дрожала.

- Я чай принесу, - сказала она. - Настоящий. Не этот.

Через полчаса после ухода Марты в мастерскую пришла Ингрид Сольвей.

Я не ждала ее так скоро. До заката оставалось часа четыре, я думала, что она пошлет записку или пришлет человека с отказом, как делают в хороших домах, где женщину прячут за перчаткой. Вместо этого она сама переступила порог, и в

мастерской сразу стало тесно. Соня у верстака выпрямилась, и я увидела, как у нее сжались кулаки под фартуком. Я положила руку на ее плечо, не глядя. Тихо.

- Мастер Мирен, - сказала Ингрид, и голос у нее был ровный, как у женщины, которая много раз репетировала эту фразу. - Я принесла ответ по нашему утреннему разговору.

Она была в сером дорожном платье с меховой отделкой, и от нее пахло чужими духами, сладковатыми, как леденец, который дают ребенку, чтобы он замолчал. Я не предложила ей сесть. У меня в мастерской не было для нее стула, и я не собиралась его искать. Пусть постоит, как я стояла у двери родового дома, когда приходила с отчетом по печам.

Я подождала, пока она сама поймет, что садиться некуда, и она поняла. Отошла к полке с заготовками, сложила руки.

- Я говорила с Рейнаром, - сказала Ингрид. - Он не подпишет снятие печати до конца расследования совета. Это решение рода.

- Это его слова или ваши? - спросила я.

Она не моргнула. Я подумала, что ей в детстве объяснили, как держать лицо, и с тех пор она ни разу не уронила его на людях. Может, ей даже нравилось так ходить, с этим лицом. Оно делало ее красивее, чем она была.

- Это его слова, - сказала Ингрид. - Я передаю их точно. Рейнар считает, что до решения совета любая его подпись будет выглядеть как давление на мастера. Он не хочет, чтобы ваше независимое разрешение потом оспорили в реестре.

Я подошла к верстаку, откинула полотно с блюда. Трещина лежала ровно, рыжий чужой огонь больше не горел в ней, но герб Арда был виден. Я знала, что в этой трещине сейчас. Я сама туда смотрела утром, и там было мое лицо без лжи.

- Вы видели, что в этом блюде? - спросила я.

- Видела, - ответила Ингрид. - Я же первая увидела утром.

- И что вы там увидели, кроме чужого герба?

Она помолчала. Я видела, как у нее дрогнул подбородок, и поняла, что она впервые за весь разговор не знает, что ответить. В утренней сцене я спросила, и она отвечала заученно. Сейчас я спрашивала иначе.

- Там была ваша тень, мастер Мирен, - сказала Ингрид тихо. - Над гербом. Как будто вы стоите и не отступаете.

- Правильно, - сказала я. - Я там стою. А теперь послушайте меня, Ингрид Сольвей. Я не пойду в совет с вашей милостью и не буду ждать, пока род Ард решит, можно ли мне быть самостоятельной. У меня есть тетрадь с первой калкой, у меня есть ключ от этой мастерской, и у меня есть свидетели того, как мне подменили печать. Если Рейнар не подпишет сегодня, я завтра сама подам прошение в совет мастеров, и совет будет решать, кто из нас прав.

- Вы понимаете, что это разорвет помолвку? - спросила она.

- Это ваша помолвка, не моя, - ответила я. - Я свою разорвала три недели назад.

Она вдохнула. Я видела, как у нее поднялись плечи и мед-

ленно опустились, и в этой маленькой задержке дыхания было больше правды, чем во всех ее словах. Она боялась. Не меня. Она боялась того, что останется одна, без фамилии Ард, без племянницы советника, без бедной мастерицы, которой можно помогать с высоты своего добра. Я знала этот страх. Я сама его носила три недели, пока не положила ключ в свой карман.

- Я поговорю с ним еще раз, - сказала Ингрид.

- Не говорите, - сказала я. - Он приходил сюда утром. Он знает, что нужно сделать. Если он хочет подписать, он подпишет без вашей просьбы. Если не подпишет, я обойдусь без его подписи, и совету придется выбирать между его родом и моей тетрадью. А у меня в тетради каждая строка - это калка, заказ и оплата за мой счет, без его денег. Пусть совет сам посмотрит, кто из нас кого содержит.

Соня у верстака впервые за весь разговор подняла голову. У нее блеснули глаза, и я подумала, что если она сейчас влезет, я не успею ее остановить. Но она промолчала, и я была ей за это благодарна.

Ингрид вынула из муфты маленький кожаный футляр, положила на край верстака.

- Это зеркальная пыль с вашей калки, - сказала она. - Я взяла утром, когда вы отвернулись к двери. Я думала, что без нее трещина не проявится полностью. Я ошиблась.

Я посмотрела на футляр, не трогая его. Потом накрыла полотном, как блюдо.

- Верните, - сказала я. - И отдайте это Марте, а не мне. Марта передаст мне при свидетеле.

- Зачем при свидетеле? - спросила Ингрид.

- Потому что вы сегодня уже доказали, что можете взять чужое, когда я отвернусь. А я не хочу, чтобы вторая кража пыли легла между нами бумагой.

Она кивнула. Я видела, как у нее дернулась щека, и поняла, что попала. Она не хотела, чтобы это называли кражей. Она хотела, чтобы это осталось между нами, как утренняя ошибка хорошей женщины.

- Хорошо, - сказала Ингрид. - Я оставляю футляр Марте.

- И передайте Рейнару, - сказала я, - что сегодня до заката я жду подпись. После заката я иду в совет. У меня есть моя печь, моя тетрадь, мой ключ, и мне не нужно его разрешение, чтобы быть мастером Мирен. Мне нужно, чтобы он убрал с моего имени чужую печать. Это не милость, Ингрид. Это возврат украденного.

Она наклонила голову, и на мгновение я увидела в ней не антагонистку, а женщину, которая устала от чужого дома. У нее в глазах было то самое выражение, которое я видела у себя в зеркале три недели назад, когда пыталась понять, зачем мне возвращаться в мастерскую, если меня там никто не ждет. Потом она выпрямилась, и лицо ее снова стало гладким.

- Я передам, - сказала Ингрид. - И я принесу вам зеркальную пыль обратно через Марту, мастер Мирен.

- Несите, - ответила я. - И ступайте.

Она ушла. Соня подождала, пока стихнут шаги на крыльце, и только тогда выдохнула.

- Мастер, - сказала она, - она же врет.

- Конечно, врет, - ответила я. - Но сегодня она врет в мою пользу. Запомни это. В чужом доме правда часто звучит через чужой рот, и если этот рот сегодня говорит то, что мне нужно, я не стану его поправлять. Завтра она опять заговорит про благотворительность, и мы опять будем стоять друг против друга. А сегодня пусть несет мою пыль Марте и думает, что делает добро.

Соня кивнула. Я подошла к печи, открыла заслонку, и жардохнул мне в лицо, сухой, с запахом старого угля. Я подбросила два полена, подождала, пока они займутся, и закрыла заслонку. У меня было четыре часа до заката. За четыре часа я должна была сварить новый прут, пересчитать заказы в тетради, написать жалобу в совет и приготовить ужин на три миски, потому что Соня после такого разговора не ляжет спать без горячего.

Я взяла клещи, прут и пошла к печи. Руки у меня были теплые, и это было хорошо. Если Рейнар подпишет, я завтра пойду в реестр мастеров с чистой совестью. Если не подпишет, я пойду туда же с жалобой и тетрадью, и мое имя все равно встанет в реестре отдельно от его рода. Третьего в этой печи не бывает.

- Неси, - ответила я.

Соня опустилась на лавку, и я увидела, как у нее расслабились плечи. В мастерской снова стало тихо, пахло печной сажей и чужими духами, и я знала, что до заката либо придет подпись Рейнара, либо придет Ингрид с отказом. Третьего в этой печи не бывает.

Я накрыла блюдо полотном и пошла чистить каменную плиту. Руки у меня были теплые. Это было хорошо. Через час в тетради появится новая запись, и завтра я пойду в архив, подниму реестр мастерских, и мое имя впервые встанет в этом реестре отдельно от рода Ард. А пока у меня есть печь, есть Соня у верстака, и есть ключ, который лежит в моем кармане, и больше никто не войдет в эту мастерскую без моего слова.

Глава 2. Ключ от кухни

Ключ заело в скважине с третьего поворота. Медный шпене- неск скрежетнул по латуни, ладонь ожгло холодом, и я выру- галась сквозь зубы, потому что этот ключ был последней ве- щью, которую я еще не отвоевала.

За дверью пахло сырым деревом и остывшим железом. Утро началось с того, что Ярек Лось притащил мне свою печь на буксире, снял с телеги, поставил у стены и долго мял шап- ку, не решаясь попросить об отсрочке долга. Я не дала от- срочки, но взяла его печь чинить, потому что чинить печи я умела лучше, чем прощать чужие долги.

Ключ наконец поддался, провернулся до щелчка, и дверь в будущую мастерскую открылась внутрь, в темную узкую комнату с низким потолком и одним окном на Медную ули- цу. На полу лежала стружка, пахло смолой и чужим табаком - прежний жилец курил здесь, не спрашивая хозяев. Я пере- ступила порог, прижала к груди рабочий ящик с формами и сказала себе: «Теперь это мое». Слова прозвучали тихо и неуверенно, как первый вдох у новорожденного.

Ярек ждал у порога, не заходя.

- Договор аренды у нотариуса подпишут к полудню, - ска- зал он. - Хозяин дома Сольвей уже дал согласие, осталась печать квартала.

- Квартальный печатник Ард, - ответила я. - Знаю. Поэто-

му и тороплюсь.

Я выложила ящик на лавку, открыла крышку. Внутри лежали формы, клещи, кусок кварцевого порошка в берестяном свертке и маленькое зеркальное блюдо, которое я сварила в первый год замужества, когда еще верила, что из огня выйдет что-то кроме дыма. Блюдо было мутноватым, с тонкой трещиной по краю, но трещина не портила отлив - она делала его живым.

Я провела пальцем по холодной меди ключа, потом положила его на ладонь. Он был теплее моей руки. Впервые в жизни у меня был ключ, который я никому не должна была возвращать.

- Печь у стены, - сказала я Яреку. - Помоги мне сдвинуть ее к окну. Труба пойдет по стене, дымоход выведу на крышу.

- Трубу проверял инспектор Олда, - сказал Ярек, налегая плечом на чугунный бок. - Сказал, кладка держит, но задвижку надо менять.

- Поменяем.

Печь нехотя сдвинулась, проскрежетав по половицам. Изпод нее выкатился клуб пыли идохлый таракан. Я присела на корточки, заглянула в топку. Внутри было пусто и темно, как в горле у того, кто молчит слишком долго.

В этот момент в дверь постучали.

Не так, как стучат соседи - костяшкой, осторожно. Так стучат люди с печатью на перстне: ровно, коротко, дважды. Я выпрямилась, вытерла руки о передник и пошла открывать.

На пороге стоял не Рейнар. Стоял Торвен Ард, дядя моего бывшего мужа, хранитель родовой печати, в темном кафтане с серебряным шитьем, и выражение его лица было таким, словно он пришел не в мастерскую, а в казенный дом, где ему должны по праву.

- Лада Мирен, - сказал он. - Ты в курсе, что эта печь стоит на фундаменте, который принадлежит роду Ард?

Я не отступила. Не потому, что не испугалась, а потому, что отступать было некуда: за спиной стоял Ярек, и стены были тонкие, и Марта Зинич из чайной напротив уже подошла к своему окну.

- Я в курсе, - ответила я. - Фундамент квартальный, земля городская, а печь куплена у Ярека Лося за его долг. Расписка у меня в ящике.

- Земля городская, - повторил Торвен, и в его голосе зазвенела та вежливая сталь, которой он резал чужие права на собраниях совета. - Но печать квартала без подписи главы рода не ставится. Устав ты читала?

- Устав я помню наизусть, - сказала я. - Пункт четвертый, параграф о ремесленных печах: печать квартала ставится печатником мастеров по согласию двух свидетелей из цеха. Глава рода не упомянут.

Торвен чуть прищурился. Это было его единственное движение лица за всю его жизнь, но я знала его слишком хорошо.

- Свидетели, - сказал он. - Кто?

- Ярек Лось, печник, - я кивнула на соседа. - И Марта Зинич из чайной напротив, если ты не возражаешь против свидетеля с хорошей памятью на чужие слова.

Торвен перевел взгляд на Ярека. Ярек покраснел до ушей и выпрямился.

- Я подпишу, - сказал он. - Печь моя, долг честный.
- Это не снимает вопроса о фундаменте, - ответил Торвен.
- Это снимает вопрос о печати, - сказала я. - А фундамент мы обсудим у нотариуса, когда придет время. Договор аренды подписывается сегодня в полдень. Если род Ард хочет оспорить право на землю - пусть подаст жалобу в квартальный совет. Я там буду.

Торвен помолчал. Его молчание было длинным, тяжелым и хорошо отрепетированным. Потом он кивнул - не мне, а скорее своим мыслям - и сказал:

- Ты делаешь ошибку, Лада.
- Я делаю свою ошибку, - ответила я. - На своей земле.
Он ушел, не попрощавшись. Шаги по лестнице были медленными и ровными, и в каждом шаге звучало обещание вернуться с бумагой.

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось так, что я чувствовала его в ключице. Ярек стоял у стены и смотрел на меня так, словно впервые увидел.

- Документ на мастерскую, - сказала я, и собственный голос показался мне чужим. - Без родовой печати. Подпишу сама.

Я достала из ящика тетрадь, открыла первую чистую страницу и вывела сверху: «Лада Мирен, мастерская огненного стекла, Медная улица, дом Сольвей, нижний этаж». Ручка дрогнула на букве «р», но я не стала переписывать. Это была моя первая запись на моей земле, и пусть она будет кривой.

Ключ я убрала в карман передника, туда, где он лежал тяжело и тепло, как маленькое медное обещание, которое мне еще предстоит отстоять.

К полудню мне нужно было дойти до нотариуса, и я знала, что каждая минута, проведенная в этой комнате без подписи, стоит мне будущей печи.

Ярек помог мне сдвинуть печь к окну, и мы уперлись в стену – труба не лезла в старое отверстие дымохода. Я заглянула в топку, потом в черный провал трубы и поняла, что без плотника нам не обойтись. Плотника в квартале не водилось с тех пор, как Марта Зинич выгнала последнего за долг по чаю.

- Ярек, - сказала я, вытирая ладони о передник. - Беги к Марте. Скажи, мне нужен человек с молотком и гвоздями. За чай заплачу работой.

- У Марты нет плотника, - ответил он.

- У Марты есть все, если правильно попросить.

Он ушел, а я осталась одна в комнате, где еще пахло чужим табаком и сырым деревом. На полу лежала стружка, на лавке – мой рабочий ящик с формами и маленьким зеркальным блюдом, мутноватым, с тонкой трещиной по краю. Я от-

крыла крышку, вынула блюдо и поднесла к свету. Трещина в отливе была живой, как всегда, - не портила, а делала стекло настоящим.

Я вернула блюдо в ящик и достала тетрадь. Записала расходы на уголь, на клей, на новую задвижку. Под последней строкой оставила пустое место для нотариальной пошлины. Цифра выходила ровная, почти красивая, и я впервые за долгое время почувствовала под ребрами не страх, а что-то похожее на голод - обычный, рабочий, человеческий.

Через полчаса вернулся Ярек, а с ним - Соня, моя ученица-подмастерье, сирота из квартала, которая знала молоток лучше иных мальчишек.

- Марта говорит, плотника нет, - выпалила Соня с порога. - Но у нее в подвале есть ящик с инструментами от прежнего жильца, и она разрешает взять, если вы почините ей окно в чайной.

- Починю, - сказала я. - После нотариуса.

Соня мигом сбегала за ящиком, и мы вдвоем разобрали трубу, прочистили дымоход, вставили новую задвижку. Соня работала быстро и громко, приговаривая: «Вот так, тетя Лада, вот так», - и от ее голоса в комнате стало теплее. Ярек подавал кирпичи молча, краснея каждый раз, когда наши руки случайно соприкасались.

К одиннадцати труба встала на место. Я сполоснула лицо над ведром, посмотрела на себя в осколок зеркала, приложенный к стене. Глаза у меня были усталые, но ясные, и

я впервые подумала, что у этой женщины в отражении есть имя, и это имя - мое.

- Соня, - сказала я. - Останешься здесь. Никого не пускай. Если придет человек с родовой печатью на перстне - скажи, что мастер на уроке.

- А если дракон? - спросила она.

- Дракон не придет, - ответила я. - Дракону сегодня не до меня.

Я натянула чистый передник, сунула ключ в карман и вышла на Медную улицу. Морозец щипал щеки, с крыш капало, и город вокруг пах дымом, мокрым камнем и пирогами из пекарни на углу. Марта Зинич стояла у своей чайной и смотрела так, словно уже знала, куда и зачем я иду.

- Лада Мирен, - сказала она нарочито громко. - К нотариусу?

- К нотариусу, - подтвердила я.

- Славно, - сказала Марта и подмигнула так, что у меня заныли зубы. - Я за тебя свечку поставлю.

Я не стала отвечать. Улица вела меня мимо лавок, мимо стражи у моста, мимо дома Сольвей, где хозяйка уже ждала с подписанным договором. У нотариуса было тесно и натоплено, пахло сургучом и старой бумагой. Нотариус, сухой человек в очках с медной оправой, разложил документы, проверил мою подпись на аренде, сверил печать квартала - маленькую, с ящерицей, - и поставил свою.

- Разрешение на мастерскую огненного стекла, - сказал он,

протягивая мне лист. - На имя Лады Мирен, без родовой печати. Вступает в силу сегодня.

Я взяла бумагу, и она была теплой от сургуча, и от нее пахло смолой и моей собственной жизнью.

У порога я остановилась. По лестнице поднимался Рейнар Ард, мой бывший муж, глава городской стражи, огненный дракон, и на его лице было выражение человека, который очень хорошо знает, что сейчас увидит, и все равно пришел.

- Лада, - сказал он и остановился на нижней ступеньке.

- Разрешение подписано, - ответила я, сложив лист вчетверо. - Без твоей печати.

Он не двинулся. Только чуть дрогнул скулой, и я увидела, как его рука - чистая, в перстне с гербом - потянулась к моему запястью и замерла на полпути.

- Я не за печатью, - сказал он. - Я пришел спросить, можно ли мне сегодня вечером принести лекарство для Сони. Ожог загноился.

Я посмотрела на него долго, потом - на его руку, потом на свою бумагу.

- Поставь у двери, - сказала я. - Зайти не проси.

Он кивнул. Я протиснулась мимо него в дверь, и мое плечо задело его плечо, и от этого прикосновения в воздухе пахло дымом и чужими духами.

Я шла обратно по Медной улице и впервые несла в кармане не ключ, а документ, на котором было написано мое имя,

и этого было достаточно, чтобы не оборачиваться.

Я вернулась на Медную улицу с документом в кармане, и бумага грела бедро всю дорогу. Соня стояла у мастерской, прижимая к груди ящик с инструментами, и вид у нее был такой, будто она держала оборону против целой роты.

- Никого не было? - спросила я.

- Был мальчишка от Марты, - сказала она. - Сказал, что плотник нашелся. Ее племянник из Верхнего квартала, студент. Придет завтра за чай и гвозди.

Я кивнула. Соня смотрела на меня снизу вверх, и в ее глазах было то выражение, которое я уже выучила: вопрос, который она не решалась задать.

- Что? - спросила я.

- Тетя Лада, - сказала она. - Вы теперь совсем одна будете?

Я не ответила сразу. Достала ключ, повернула в замке, и он щелкнул громко, как маленькая печать. Внутри пахло стружкой и моим собственным потом. На лавке лежал рабочий ящик, на полу - свежая стружка от трубы, на подоконнике - моя тетрадь с первой записью.

- У меня есть ты, - сказала я наконец. - И Ярек. И Марта, если не перебесится. Этого пока хватит.

Соня фыркнула, но я видела, что она довольна. Она поставила ящик с инструментами в угол, подмела пол и ушла, обещав вернуться к вечеру за уроком. Я осталась одна.

Достала из ящика маленькое зеркальное блюдо, то самое, первое, которое варила в год замужества. Поднесла к окну.

Трещина по краю была живой - тонкая, как волос, и шла ровно по линии, где когда-то лежала родовая печать мастерской. Я провела пальцем по этой линии и почувствовала, как стекло чуть потеплело под рукой. Блюдо узнавало меня. Или я его.

В дверь постучали. Не громко, не властно - двумя короткими ударами костяшек, и я знала этот стук раньше, чем успела подумать.

- Закртыо, - сказала я, не поднимаясь.

- Лада. - Его голос был глухой, через дверь. - Я знаю, что ты внутри. Я чую стекло.

Я стиснула зубы. Драконье чутье - проклятие, от которого не отказаться. Я могла не открывать дверь, но он все равно знал бы, что я стою в трех шагах, что у меня в руках его первое изделие, что я одна.

- Что тебе нужно? - спросила я.

- Лекарство для Сони. Я обещал.

- Я сказала - у двери.

- У двери мокро. Дождь пошел.

Я подошла к окну. Морось висела в воздухе мелкой пылью, и крыши уже блестели. На крыльце стоял Рейнар, и в руках у него была не корзина и не сверток - обычная глиняная банка с притертой крышкой, какие держат в лечебных лавках. Без герба, без печати, без всего, что могло бы выглядеть как подачка от рода.

Я открыла дверь на ширину ладони.

- Сюда, - сказала я и показала на порог.

Он поставил банку на каменный выступ. Я взяла ее, и наши пальцы не соприкоснулись - я успела. Крышка была теплая, внутри что-то маслянисто побулькивало. Запах - полынь, мед и что-то горькое, лечебное.

- Соня уже спит? - спросил он.

- Соня не здесь. Соня у себя.

- Я думал, она живет при мастерской.

- Соня живет там, где ей удобно. Не там, где решу я или ты.

Он кивнул. Я видела, как он смотрит через мое плечо внутрь - на лавку, на ящик, на блюдо в моей руке. В его лице мелькнуло что-то, что я не сразу назвала: тоска по вещи, которую он когда-то считал своей.

- Я не за этим пришел, - сказал он тихо.

- А зачем?

- Узнать, подействовало ли.

Я подняла бровь. Он выдержал мой взгляд - впервые за долгое время без той дурацкой властной ровности, которая всегда бесила меня в нем. У него дрожали ресницы, и я подумала: он не спал ночь.

- Лекарство подействует, - сказала я. - Если это то, о чем я думаю.

- То.

- Тогда зачем спрашивать?

- Потому что если не подействует - я принесу другое.

Я хотела сказать что-то резкое. Хотела напомнить ему про Ингрид Сольвей, про объявление на доске, про то, как он выбирал род вместо меня. Но вместо этого я посмотрела на его руки - чистые, в перстне с гербом, - и подумала, что эти руки когда-то держали мое лицо так бережно, что я забывала дышать.

- Рейнар, - сказала я, и собственный голос мне не понравился: слишком ровный. - Я не открою тебе дверь. Не потому что злюсь. Потому что пока ты носишь эту печать на пальце, каждый твой приход будет подачкой. Мне не нужны подачки. Мне нужно, чтобы ты или снял ее, или не приходил.

Он побледнел. Я видела, как кровь отхлынула от его скул, как сжались пальцы на свободной руке. Он не ответил. Только чуть наклонил голову - то ли кивок, то ли поклон - и шагнул назад с крыльца.

- Я понял, - сказал он.

Дождь зашелестел громче. Я закрыла дверь, повернула ключ и прислонилась к ней спиной. Банка в моей руке была теплая, и я держала ее осторожно, как чужую тайну, которую мне доверили случайно.

В кармане лежал документ на мое имя. В руке - лекарство от человека, который еще носил чужую печать. На столе - блюдо с трещиной, которая помнила наш первый год.

Я поставила банку на полку, открыла тетрадь и записала расход полыни и меда на полях, мелким почерком, чтобы потом вернуть. Цифра вышла неровная, и я впервые за день

не стала ее поправлять.

Глиняная банка стояла на полке, и я все еще чувствовала ладонью ее тяжесть. За окном дождь превратился в мелкую крупу, и она стучала по жестяному подоконнику так, будто проверяла, не забыла ли я про осторожность.

Я открыла тетрадь на чистой странице. Левая колонка - расход, правая - приход. Слева я вывела: «Полюнь, мед, масло льняное, 3 медяка». Справа место пустовало, и я не торопилась его заполнять. Возвращать деньги Рейнару я не стану. Но и забыть расход не имею права: чужая помощь в моей тетради всегда отмечалась красной строкой, чтобы потом не путать долг и подачку.

Скрипнула дверь черного хода. Я вздрогнула - я ее запирала. На пороге стояла Мирца, фартук в муке, руки красные от воды. Она переступила порог, не дожидаясь приглашения, и сразу пошла к печке, будто имела на это право.

- Кто пустил? - спросила я, и собственный голос вышел жестче, чем я хотела.

- Соня, - сказала Мирца. - Она ушла за дровами и оставила дверь на щеколде. Я подумала - проверю, не залило ли вас сверху. У Ярека крыша течет.

Она осмотрела потолок, нашла мокрое пятно над лавкой и поставила таз. Вода закапала, мерно и обидно.

- Вот, - сказала она. - Завтра позову кровельщика. В долг.
- В долг мне не надо, - сказала я. - В счет моего заказа Яреку за печку он мне должен, а не я ему. Пусть придет, по-

смотрит, и спишем.

Мирца выпрямилась и посмотрела на меня так, как смотрела раньше, в доме Ардов: оценивая, не сорвусь ли. Я не сорвалась. Она кивнула.

- Хорошо, - сказала она. - Тогда постою за него, если что.

Она стянула фартук, сложила его вчетверо и повесила на гвоздь у двери. Жест был такой домашний, что у меня сжалось горло. В этом доме фартук на этом гвозде висел три года. Другой фартук, другая женщина, но тот же крюк.

- Мирца, - сказала я. - Ты зачем пришла на самом деле?

Она замерла спиной. Потом медленно повернулась, и я увидела, как у нее дрогнули губы.

- Хозяйка, - сказала она, и я поморщилась: я просила не называть меня хозяйкой, но сейчас не стала поправлять. - В Верхнем квартале с утра о вас говорят. Не про документ. Про то, что к вам приходил глава стражи и стоял на крыльце под дождем, как нищий. Марта Зинич уже три раза рассказала эту историю, и каждый раз дождь был сильнее.

Я села на лавку. Колени у меня вдруг стали ватными.

- Кто видел?

- Соседский мальчишка, - сказала Мирца. - И сам Рейнар не отрицал, когда его спросили. Он сказал: «Я принес лекарство для пострадавшего ребенка». Но мальчишка добавил, что у вас на крыльце стоял пустой горшок из-под полыни, и что Рейнар его забрал с собой. Горшок - это из лечебной лавки, такие не продают без рецепта. Теперь считают, что вы

больны и скрываете, и что Рейнар пришел провести бывшую жену, а она его не пустила.

Я закрыла глаза. В голове сложилось быстро: Марта узнает - значит, к вечеру знает весь квартал. Квартал знает - значит, знает совет мастеров. Совет знает - значит, Ингрид Сольвей получит повод заявить, что я не справляюсь и нуждаюсь в покровительстве.

- Горшок он не забрал, - сказала я. - Он поставил банку на порог, я взяла.

- А пустой горшок откуда?

Я открыла глаза. На полке стояла моя банка, крышка на месте, внутри булькает. Рядом - пустое место. Я точно знала, что вчера там стояла банка с патокой, и я ее не трогала.

- Мирца, - сказала я. - Посмотри на полку.

Она посмотрела и побледнела.

- Я не брала, - сказала она быстро. - Клянусь, я ничего не трогала.

- Не ты, - сказала я. - Кто-то был здесь до тебя. Или пока тебя не было.

Мы переглянулись. Дверь черного хода была на щеколде. Окно закрыто. Замок на входной двери я поворачивала сама.

- Мальчишка от Марты, - сказала Мирца. - Он заходил?

- Нет. Он только передал, что плотник найден.

- Тогда задвижка.

Я встала и подошла к печке. Задвижка была прикрыта неплотно, и из щели тянуло чужим холодом. Кто-то вошел,

пока я была в совете. Забрал пустой горшок, оставил банку. Не взял ничего. Сделал так, чтобы я увидела, что здесь были.

- Соня, - сказала я. - Она могла оставить дверь?

- Могла, - сказала Мирца. - Она к вам привязана, вы для нее первый взрослый, который не бьет. Но она не стала бы впускать чужого.

- Значит, чужой не вошел. Чужой уже был внутри.

Мирца стиснула фартук. Я видела, как у нее побелели ко-
стяшки.

- Хозяйка, - сказала она тихо. - Я знаю, кто мог. Но если я скажу, вы не простите мне, что я молчала раньше.

- Говори.

- Управляющий дома Ард. Он приходил вчера к Яреку, якобы за долгом Ярека за уголь. Ярек ничего не должен, и мы оба это знаем. Управляющий задержался в мастерской, ждал, пока Ярек отвернется. Я не видела, что он делал, но когда уходил, у него из-под плаща торчал край фартука. Ку-
хонного.

Я села обратно на лавку. В голове стало очень тихо, как бывает перед тем, как стекло трескается в печи.

- Зачем? - спросила я.

- Чтобы кто-то видел, что он здесь, - сказала Мирца. - И чтобы вы знали, что он может войти. Он оставил вам знак. Пустой горшок - это приглашение на разговор, который вы не хотите.

- Какой разговор?

- О печати, - сказала Мирца. - Он хочет, чтобы вы пришли за ней сами. Потому что если он принесет ее сюда, это будет подачка. А если вы придете - это будет просьба. И тогда он сможет поставить условия.

Я посмотрела на полку. Банка стояла ровно, масло внутри остыло и застыло. Пустое место рядом светлело пылью, и я вдруг увидела в этой пыли форму круглого дна. Кто-то поставил сюда банку, подождал, пока масло впитается, и убрал. Сделал так, чтобы я поняла: я не первая, кого он лечил. И не последняя.

- Мирца, - сказала я. - Ты знала, что он лечит.

Она не ответила. Это был ответ.

- Иди домой, - сказала я. - И никому ни слова.

Она ушла. Я осталась одна, и в мастерской стало очень тихо, только капала вода в таз и потрескивала печка, остывая после вчерашней варки. Я открыла тетрадь, дописала в правой колонке: «Управляющий Ард. Печать. Завтра».

Завтра я пойду к нему сама. Не за подачкой. За ключом, который он у меня украл.

Глава 3. Чужие духи

Глава началась с мелочи, из-за которой обычно рушатся не дома, а остатки доверия.

Счетная книга лежала на верстаке под лампой, и с нее пахло чужими чернилами. Корица, железо, капля смолы - так пахнет контора управляющего, и так теперь пахнут все цифры, которые он оставил на моих страницах. Я дотронулась до обложки кончиками пальцев, и кожа на подушечках стянуло от холода. На обложке стояло мое имя, выведенное его рукой: «Мирен Л. И., мастерская огненного стекла, реестр квартала». Под ним, через косую линию, - «бывш. Ард». Не зачеркнуто, просто приписано, будто я - приложение к чужому гербу.

Я открыла первую страницу.

Уголь, жаровня, три клейма для замазки, два прута, мел, ящик с формами - все это я знала на память, потому что покупала сама. Аренда печи на углу Медной - моя. Подмастерье Соня - мой. Пошлины за прошлый месяц - мои. Дальше шли строки, от которых у меня сжалось горло: жалование мастера, выданное через кассу дома Ард; покупка стекла у поставщика Гарта, оплата «по поручению рода»; замена дымохода, списанная на «ремонтные расходы управляющего». Все это стояло на моих страницах, все это было моей работой, но платил за нее род, и теперь каждая из этих строк вы-

глядела как долговая яма, в которую меня заманили бумагой.

Дверь скрипнула. Я не обернулась, потому что по шагу узнала Соню - она всегда наступает на левую ногу, чуть подволакивая стопу.

- Там внизу, у Марты, опять про нас говорят, - сказала она, вытирая руки о фартук. - Говорят, вчера ночью видели, как от нашей двери уходил мужчина в плаще стражи.

Я медленно закрыла книгу, прижав палец к закладке.

- Какой мужчина, Соня?

- Высокий, плечи широкие. Говорят, в гербовой пряжке. Говорят, он приходил к тебе по делу, а ты не открыла, и он стоял под дождем, как нищий, а потом забрал какой-то горшок из-под полыни.

- Горшок, - повторила я ровно.

- Да. У Марты уже три версии. Первая - что он принес тебе любовное зелье, и ты его выбросила. Вторая - что он приходил за долгом, а ты отказала. Третья... - Соня запнулась и покраснела до ушей. - Третья, что он теперь твой тайный гость, и прячется у тебя в подвале.

Я отложила книгу и посмотрела ей в глаза.

- Соня. Он принес для тебя лекарство, потому что у тебя обожжена рука. Я его не пустила, потому что у него на воротнике остался чужой запах, и я не хочу, чтобы этот чужой запах трогал мои вещи. Понятно?

Она кивнула, но взгляд у нее остался беспокойный.

- А пустой горшок?

- Пустой горшок - это знак, что он готов ко мне прийти. Я пока не звала.

Соня посмотрела на меня так, будто я сказала ей что-то про погоду, и я поняла, что она уже сделала выбор, какую из трех версий Марты будет повторять соседкам. Я слишком хорошо знала этот взгляд - так смотрят дети, которые решили, что взрослые врут про дракона, потому что дракон красивее.

Я вернулась к счетной книге. Мне нужно было вычеркнуть из нее все, что платил дом Ард, и оставить только то, что заработала я сама. Это была не месть и не гордость - это была страховка. Пока в книге стояли расходы рода, любой проверяющий мог сказать, что мастерская Лады Мирен - отделение дома Ард, и значит, все, что я варю, принадлежит роду. Устав это не запрещал, потому что устав не запрещал быть красивой собственностью.

Я взяла перо, макнула в чернила и начала ровно выводить на полях: «не мое», «мое», «возврат», «спор». На строке «оплата стекла у Гарта, по поручению рода» я остановилась. Я знала, что это мое стекло, я его заказывала сама, и поставщик Гарт при мне отдавал деньги через прилавок, а не через кассу дома. Просто управляющий потом все записал в свою книгу, чтобы бумага лежала ровно.

В дверь постучали.

Я не ждала никого, кроме мальчишки от Марты, который должен был принести мне остаток соли. Стук был другой -

ровный, тяжелый, с паузой между ударами, как будто человек давал себе время передумать.

- Открыто, - сказала я.

Дверь открылась. На пороге стоял человек в темной куртке, без герба, с хозяйственной сумкой через плечо. Лицо знакомое - привратник из дома Ард, тот самый, который носил ключи от погреба и приносил мне по утрам молоко, когда я была еще чужой женой в чужом доме. Теперь он смотрел на меня так, как смотрят на чужую дверь.

- Мастер Мирен, - сказал он и кашлянул. - Управляющий Мирца кланяется и просит принять сверток по описи. За печатью мастерской он зайдет завтра утром, с двумя свидетелями и печатником квартала.

- За какой печатью? - спросила я, хотя прекрасно знала.

- За печатью реестра, которая осталась на записи о вашей мастерской, - ответил он, не поднимая глаз. - Управляющий говорит, что без нее реестр не полон, совет не примет жалобу, и вам же будет хуже.

Я медленно отложила перо и встала.

- Передай управляющему, что печать реестра ставит печатник квартала по согласию двух свидетелей из цеха, а глава рода в уставе не упомянут. Сверток приму, печать - нет.

Он кивнул, поставил на верстак сверток в серой бумаге и вышел, не оглядываясь.

Я развернула бумагу. Внутри лежала глиняная банка с лечебным маслом, та самая, которую Рейнар приносил для Со-

ни, - только без крышки и без записки. Под банкой - тонкая тетрадь, исписанная знакомым округлым почерком Мирцы. На первой странице стояло: «Расходы мастерской Л. Мирен за прошлый месяц, копия».

Я полистала. На последней странице, через косую линию, было приписано другой рукой - сухой, с нажимом: «Сверка с домом Ард проведена. Расхождений не найдено. Подпись управляющего». И ниже, еще одной рукой, уже незнакомой: «Печать реестра подтверждаю. Хранитель печати Т. Ард».

Торвен.

Я закрыла тетрадь. У меня в руках был документ, в котором хранитель родовой печати собственноручно подтверждал, что печать мастерской принадлежит реестру рода Ард. Это значило, что любая проверка увидит не мою мастерскую, а отделение чужого дома. Это значило, что разрешение, которое я вчера взяла у нотариуса без родовой печати, можно объявить подложным, потому что подлинная печать - у Торвена.

Соня смотрела на меня через стол, не мигая.

- Лада, - сказала она тихо, - это плохая бумага?

- Это очень плохая бумага, - ответила я. - Эта бумага хочет, чтобы я снова была чужой женой.

Я взяла перо и подписала на обложке счетной книги: «Документ принят, проверен, оспорен. Лада Мирен, мастер, собственноручная подпись». Подпись я поставила с нажимом, чтобы чернила въелись в бумагу, и чтобы никто потом не

сказал, что я не знала, что подписываю.

Потом я спрятала тетрадь Мирцы в кожаный мешочек на груди, туда же, где лежала моя собственная, и повернулась к Соне.

- Сейчас мы с тобой пойдем к Яреку Лосю. Ты будешь стоять рядом и смотреть, как я ставлю свою печать на свою книгу. Это свидетели, Соня. Это для того, чтобы завтра, когда Торвен приведет печатника, у меня на странице уже стояло мое имя, а не его.

- А Рейнар? - спросила она, и я услышала в этом голосе всю Марту Зинич вместе со всем кварталом.

- Рейнар пусть приходит сам, когда снимет с воротника чужой запах, - сказала я. - А пока у меня в мастерской работает только моя печать.

Я положила ключ от мастерской в карман, и он впервые за день не показался мне чужим.

Ярек встретил меня у своей калитки, и я сразу увидела, что он не спал. Под глазами у него лежали тени, фартук был перепакан мукой, а на щеке белела полоса от извести. Печник из него вышел отличный, но готовить он по-прежнему не умел.

- Лошадь, - сказала я, и он вытер руки о тряпку. - Ярек, мне нужно, чтобы ты поставил свою печать на мою счетную книгу. Сейчас, при Соне, при мне, при тебе. И чтобы ты запомнил, что ты это сделал.

Он посмотрел на меня, не моргая, потом на тетрадь в мо-

их руках, потом на Соню, которая стояла за моим плечом и держала мой рабочий ящик с клещами, как держат чужого ребенка - бережно и испуганно.

- Лада, - сказал он тихо. - Я должен тебе за ремонт печи. Я могу просто подписать.

- Нет, - ответила я. - Если ты мне должен, ты поставишь свою печать как свидетель, а не как должник. Это разные вещи. Должник платит, свидетель говорит правду.

Он кивнул, и я поняла, что он понял. Ярек умел краснеть от слов "долг" и "честь" одинаково, и сейчас он покраснел так, что даже шея стала красной.

Мы вошли в мастерскую. Соня поставила ящик на верстак, я разложила счетную книгу на чистой доске и придавила углы гайками. Ярек стоял у двери, и я видела, что он считает инструменты на стене, чтобы не смотреть на меня.

- Здесь, - сказала я и показала ему строку. - Видишь, на полях уже написано: не мое, мое, возврат, спор. Я хочу, чтобы ты поставил свою печать под последней строкой и написал: "Расходы проверены при мне, мастер свободен от чужого счета".

Он достал свою печать - маленькую, медную, с лосем, - подышал на нее, приложил к подушке и аккуратно оттиснул под строкой. Потом взял перо и вывел криво, по-печному:

"Расходы проверены. Мастер свободен. Ярек Лось".

- Хорошо, - сказала я и посмотрела на Соню. - Теперь ты. Она вытаращила глаза.

- Лада, у меня нет печати.

- Тебе и не нужна печать. Тебе нужны руки и память. Иди сюда.

Она подошла, и я положила ее ладонь - ту, на которой еще розовела полоска от ожога - на счетную книгу, поверх моей подписи.

- Запомни, как выглядит эта страница. Запомни, что Ярек поставил печать. Запомни, что я подписала. Запомни, что в этой книге нет ни одной строки дома Ард. Если завтра Торвен приведет печатника и скажет, что я подделала записи, ты расскажешь ему то, что видишь сейчас. Понятно?

- Понятно, - сказала она и посмотрела на свою ладонь, как на карту.

Я убрала книгу в кожаный мешочек и затянула шнурок. Потом повернулась к Яреку и спросила:

- Ты можешь завтра утром быть у нотариуса, если я попрошу?

- Могу, - сказал он. - Если попросишь.

- Попрошу, - ответила я. - Иди спать, Лось. У тебя известка на щеке.

Он провел рукой по лицу, размазав известку еще больше, и ушел, и я слышала, как за калиткой он бормочет себе под нос: "Свободен, свободен, мастер свободен".

Соня смотрела на меня через стол.

- Лада, - сказала она тихо, - а если Торвен скажет, что Ярек мне должен и потому не свидетель?

- Ярек мне должен за печь, - ответила я. - Это про печь. А его печать на моей книге - это про его слово печника. Слово печника не покупается ничьим долгом. Поэтому завтра я поеду к нотариусу и попрошу его записать отдельно: Ярек Лось, свидетель по собственному желанию, не в уплату долга.

- А если он не запишет?

- Запишет. Я ему вчера заплатила за разрешение, и он еще не понял, что я заплатила ему как мастер, а не как бывшая жена Рейнара.

Соня фыркнула, и я впервые за день увидела, как она улыбается. У нее на верхней губе была соль, и я стерла соль пальцем.

- Иди мой руки, - сказала я. - И ложись спать. Завтра ты мне понадобишься трезвой и с памятью.

Она ушла, а я осталась одна в мастерской, и впервые за три недели тишина не казалась мне чужой. Утром я поеду к нотариусу и положу на его стол две тетради: свою и ту, что прислал управляющий. И пусть он сам решит, чья рука дрожала сильнее, когда расписывалась за печать мастерской.

Я положила ключ от мастерской под подушку и впервые легла спать в своей мастерской, на своем верстаке, под своим одеялом, и запах полыни с крыльца больше не казался мне чужим знаком. Он казался мне запахом дома.

Утро началось с того, что я проснулась от запаха чужих духов. Не своих. Тех, сладких и тяжелых, которые стояли в спальне дома Ард, когда там бывала Ингрид. Я лежала на

верстаке, прикрытая старым одеялом, и первые секунды не могла понять, где я. Потом верстак. Потом мастерская. Потом холодный воздух из щели в двери. И чужой запах, от которого у меня свело челюсть.

Я встала, потому что лежать и нюхать чужое - это уже слишком даже для меня.

Духи были не на мне. Они были на всем: на дверной ручке, на полотенце у рукомойника, на моей рабочей куртке, висевшей на гвозде. Кто-то вошел ночью, пока я спала, прошелся по мастерской и оставил за собой сладкий липкий след. Не украл. Не сломал. Просто пометил. Я открыла рабочий ящик - инструменты на месте, клещи, формы. Зеркальное блюдо под полотном - тоже. Ничего не пропало, только воздух стал чужим.

Я села на табурет и поняла, что это и есть ответ. Ингрид не будет ждать заката, чтобы договориться с Рейнаром о печати. Она уже здесь, уже в моей мастерской, уже оставила свой след. И теперь по кварталу пойдет слух, что новая невеста заходила ко мне за заказом по-свойски, без стука, как к подруге. Марта Зинич к утру расскажет это трижды и добавит от себя.

Я взяла тряпку, смочила ее в уксусе и начала протирать дверную ручку. Медленно, круг за кругом, пока металл не перестал пахнуть. Потом полотенце. Потом куртку. Я терла так, что тряпка стала серой, а руки покраснели, и все это время я считала, сколько раз за ночь кто-то мог открыть мой за-

мок. Замок цел. Ключ лежал у меня под подушкой, я проверяла. Значит, замок открыли другим ключом. А других ключей от моей мастерской быть не должно.

Соня пришла, когда я уже домывала пол. Она остановилась у порога, понюхала воздух и сказала:

- Лада, тут пахнет как у них.

- У кого - у них?

- У невесты. У Ингрид. Я вчера у чайной видела, как она выходила из кареты, и от нее пахло так же.

Я выпрямилась. Значит, не показалось. Значит, Ингрид действительно была здесь ночью. И значит, у нее есть ключ, который не должен существовать. Либо его сделали, либо его украли, либо его оставил тот, кто имел право входить в мастерскую до развода. Управляющий дома Ард. Тот самый, что оставил пустой горшок и украл мою печать.

Я повесила тряпку и посмотрела на Соню.

- Слушай меня внимательно. Сейчас ты пойдешь к Яреку Лосю и скажешь ему две вещи. Первая: пусть сегодня никуда не уходит из дома, я к нему приду. Вторая: пусть посмотрит свои записи по замку, кто и когда менял личинку в моей двери. Он печник, он чинил мне петли, он может знать.

- А если не знает?

- Тогда узнает. Иди.

Она ушла, а я осталась стоять посреди мастерской, которая снова пахла чужим. Только теперь я знала, чьим. И это меняло все. Если Ингрид заходила сюда как к себе домой,

значит, она либо уже считает себя частью рода Ард, либо ей дали право ходить туда, куда не пускают даже меня. И в обоих случаях выход один - идти к нотариусу не с одной тетрадью, а с двумя, и показать ему, что замок в моей мастерской открывают чужим ключом.

Я сняла куртку с гвоздя, вывернула ее наизнанку и повесила обратно. Потом надела чистую, ту, что лежала в ящике под замком. Чужие духи не должны остаться на мне, когда я поеду в совет.

На столе у двери лежал мой ключ. Я взяла его, подержала на ладони и впервые подумала, что одного ключа мне уже мало.

Я не поеду в совет. Я поеду к Яреку Лосю, и это было решение, которое я приняла, пока стояла босиком на холодном полу и сжимала в руке ключ от собственной мастерской.

Соня вернулась через полчаса, запыхавшаяся, с красными щеками.

- Лось говорит, что личинку на твоей двери меняли позавчера, - выпалила она с порога. - Не он. Ему сказал сосед-слесарь, что приходил мастерской от дома Ард, с ключом от черного хода. Слесарь видел, как тот подбирал ключ к твоему замку.

- Какой мастерской?

- Не знает. В капюшоне. Но Лось говорит, что у того мастера на сапогах была грязь с нашей улицы, потому что слесарь нашу грязь знает, он сам из квартала.

Я села на табурет. Голова была тяжелая от запаха уксуса и чужого. Значит, замок мне вскрыли не Ингрид. Замок мне вскрыли мастеровым от дома Ард, который пришел с ключом от черного хода. Значит, у мастеровой от дома Ард есть ключ от черного хода моей мастерской. А черный ход моей мастерской - это дверь в подвал, которую я сама заложила камнем и известкой. И известка на этой кладке должна быть еще белая, потому что Ярек клал ее мне вчера.

- Лось дома? - спросила я.

- Ждет тебя.

- Идем. Куртку оставь, надень ту, что в ящике.

Мы вышли через парадную дверь. На крыльце еще пахло полынью и чуть-чуть лавандой. Я заперла дверь на ключ, проверила рукой, и мы пошли через двор к калитке Ярека. Соня держала меня за рукав и молчала, и я была ей за это благодарна, потому что если бы она спросила меня сейчас про Ингрид, я бы не ответила.

У Ярека в кухне пахло известкой и горячим хлебом. Он сидел за столом и чинил замок от своей собственной двери, и руки у него были в железной пыли.

- Сядь, - сказал он мне вместо приветствия. - Чай будешь?

- Буду. И ты сядь. И расскажи мне про мастерового в капюшоне все, что знаешь.

Он сел, налил себе чаю, и я впервые увидела, как Ярек Лось собирается с мыслями. Обычно он говорил сразу, грубо и коротко, а тут мял, мял и наконец сказал:

- Слесарь мой, Гвоздь, он плохой человек, но честный, когда речь про замки. Он сказал, что мастеровой пришел от дома Ард с ключом, который подходит к твоему замку. Ключ был старый, медный, с бородкой, каких сейчас не делают. Гвоздь сказал, что такие ключи были у прислуги дома Ард лет двадцать назад, когда еще был жив мой отец.

- Значит, ключ из старого набора.

- Да. И значит, кто-то из дома Ард хранит эти ключи до сих пор. И кто-то вчера этим ключом открыл твою мастерскую.

Я отпила чай. Он был горький и слишком крепкий, и у меня свело челюсть, и я поняла, что это не от чая. Это от того, что мне нужно сейчас сказать вслух то, что я думаю.

- Ярек, - сказала я, - я думаю, что управляющий дома Ард, Мирца, не уходила. Она ушла из мастерской, но не ушла из дома. И у нее есть ключ от моей мастерской, потому что она была ключницей дома Ард и имела право входить в любую мастерскую, которую арендовал род.

Ярек поставил кружку.

- Мирца? - переспросил он. - Та самая, что приходила к тебе через черный ход?

- Да. И я думаю, что она приходила не от себя. Она приходила от Торвена Арда. И вчера ночью она же впустила Ингрид Сольвей в мою мастерскую через парадную дверь, а потом ушла.

- Зачем Ингрид к тебе ночью?

- Чтобы пометить. Чтобы утром весь квартал знал, что новая невеста Арда заходит ко мне без стука. Чтобы Марта Зинич рассказала эту историю трижды и добавила от себя.

Ярек покраснел. У него на скулах выступили красные пятна, как у мальчишки.

- Лада, - сказал он, и голос у него был хриплый. - Если Ингрид побывала у тебя ночью, то Торвен знает. А если Торвен знает, то он знает и про мою печать в твоей книге.

- Да.

- И он знает, что мы пойдем к нотариусу.

- Да.

- И он знает, что у меня на сапогах грязь с нашей улицы, потому что слесарь Гвоздь ему расскажет, потому что Гвоздь боится Торвена.

Я поставила кружку и посмотрела Яреку в глаза. У него были серые, честные глаза печника, который никогда не лгал даже в мелочах.

- Ярек, - сказала я, - мне сегодня нужно съездить к нотариусу. Но прежде чем я поеду, мне нужно, чтобы ты сделал одну вещь.

- Какую?

- Сними с моей двери личинку и поставь новую. Свою. Ту, которую ты сделаешь сам, и ключ от которой будет только у меня. И пусть Гвоздь это сделает, и пусть Гвоздь скажет слесарю из дома Ард, что личинку поменяли по моей просьбе, и пусть он не говорит, что это я попросила.

- А если спросят зачем?

- Скажи, что я боюсь воров. Это правда.

Ярек встал и пошел к двери.

- Лось, - окликнула я. - И не говори никому, что я к тебе приходила. Соня тоже не скажет.

Он кивнул и ушел, а я осталась сидеть в кухне, где пахло известкой и горячим хлебом, и смотрела на свои руки. На пальцах у меня были красные полосы от уксуса и тряпки, и под ногтями застряла чужая грязь, и я впервые подумала, что замок на моей двери должен быть не только моим. Должен быть моим единственным. И что для этого мне придется сделать то, чего я не делала никогда: попросить соседа о помощи и не заплатить ему за это как за работу.

Глава 4. Ключ у двери

Ключ в руке был холодный. Я нашарила замочную скважину до света, на ощупь, потому что фонарь на крыльце Марта так и не зажгла, а мой собственный я забыла в лечебной. Скрипнуло, дверь пошла, и в мастерской пахло холодным углем и чужим одеколоном, который я узнала бы и с закрытыми глазами. Тонкий, хвойный, с нотой полыни. Управляющий дома Ард был здесь, пока я сидела в совете.

Я заперла дверь изнутри, задвинула щеколду, потом прошлась вдоль полок. На столе у печи стоял пустой глиняный горшок, рядом - банка с лечебным маслом без печати. На крышке банки пальцем было выведено по пыли: «у северной стены, третья снизу». Я не стала трогать. Я села на табурет, положила руки на колени и стала ждать, пока ровно не задышу.

Печь была холодная. Утром я так и не растопила - не было времени, не было угля, не было смысла начинать день с пустого жара. Сейчас это оказалось к лучшему. Если бы я варила, любая трещина показала бы не только его ложь, но и мою усталость, а усталость в стекле видна так же ясно, как грязь на руках.

Соня спала в углу на овчине, поджав обожженную руку к груди. Перевязь я сняла еще вчера, кожа порозовела, но девочка все равно ворочалась и стонала сквозь сон. Я подо-

ткнула ей край тулупа, пощупала лоб - сухой, теплый - и вернулась к столу.

Горшок стоял ровно, как поставленный заботливой рукой. Я перевернула его, посмотрела на дно. Там была тонкая риска, почти царапина, - след от родовой печати Арда, сделанной неправильно, одним пальцем, как ставят метку на тюках с шерстью. Не мастер ставил. Управляющий не имел права носить родовой знак, но имел привычку носить его оттиск на ногте, чтобы не путать чужие ключи.

У северной стены, третья снизу. Я подошла к полке, нагнулась. Под третьим ящиком, где я хранила угольные брикеты, лежал мой же ключ - тот, который я считала потерянным в первый день, когда переехала сюда из родового дома. Рядом - сложенный вчетверо лист с тройной записью о снятии печати. Подпись мужа была настоящая, моя была подделана так грубо, что любой писец в совете это увидел бы сразу. Печать мастерской, которую я считала снятой, была всего лишь закрыта чужой меткой сверху.

Я положила ключ и лист на верстак, накрыла тем же полотном, под которым стояло первое зеркальное блюдо. Потом подошла к двери, отодвинула щеколду и вышла на крыльцо.

Медная улица уже просыпалась. Марта Зинич вынесла свой чайный столик к окну, и запах мяты тянулся по камню, как обещание нормального утра. Ярек Лось шел от своей печной мастерской, в руках у него был мой молоток, ко-

торый он взял починить и обещал вернуть еще вчера.

- Ярек.

Он остановился, покраснел, протянул молоток.

- Лада Мирен, я как раз нес. Починил. Клещи новые вставил, ручка дубовая, под твою руку.

Я взяла молоток, взвесила в руке. Ручка действительно лежала как влитая.

- Ярек, у меня к тебе просьба. Мне нужен свидетель. Пойдем в мастерскую, я тебе кое-что покажу. Только никому ни слова, пока я сама не скажу.

Он кивнул. Мы вошли. Я подняла полотно, развернула лист, показала ему подпись.

- Видишь эту подпись? Это не моя. Это подделано. Кто-то оставил мою печать на мастерской закрытой, хотя по закону она должна быть снята тройной записью. Я иду в совет мастеров сегодня, и мне нужен человек, который подтвердит, что я нашла это в своей мастерской и принесла сама.

Ярек посмотрел на лист, потом на меня.

- Лада Мирен, это же родовая печать. Если ты с этим пойдешь в совет...

- Именно поэтому я и иду.

- Тогда я с тобой. Ярек Лось, печник, сосед. Я подпишу, что угодно. Ты мне за печь не заплатила, я тебе должен, значит, мой долг - моя подпись.

Я невольно улыбнулась. Долг Ярека был ровно три серебряных, и он об этом помнил каждую минуту.

В это время в дверь постучали. Не громко, но уверенно, как стучат люди, привыкшие к тому, что им открывают. Я выглянула в окно. У крыльца стоял Рейнар, без плаща, в простой рубахе с закатанными рукавами. На плече у него висел бинт, белый, свежий, и пахло от него железом и дымом, как от человека, который только что тушил чужой пожар или подставлял руку под чужое пламя.

Я открыла дверь ровно на ширину ладони.

- Лекарство подействовало. Соня спит, - сказала я. - Спасибо.

Он не двинулся с места.

- Я принес не за лекарством. Ярек, оставь нас.

- Нет, - ответила я. - Ярек останется. Он мой свидетель.

Рейнар посмотрел на меня долгим взглядом, потом перевел глаза на лист, который я не успела спрятать. Я видела, как дрогнул мускул у него на челюсти, когда он узнал подпись.

- Лада, - сказал он тихо. - Это не я.

- Я знаю, - ответила я. - Это управляющий твоего дома. Я нашла это полчаса назад.

- Тогда отойди. Я войду, сниму эту печать с твоей мастерской своей рукой, при тебе, при свидетеле, и мы пойдем в совет вместе.

- Нет. Ты не войдешь. Пока ты носишь родовую печать Арда на своем пальце, каждый твой шаг в моей мастерской - это не помощь, это давление. Мне не нужна твоя рука на моей печи. Мне нужно твое имя в совете, когда я туда приду.

Он стоял на крыльце, и я видела, как он борется с собой. Потом он медленно опустил руку, которую уже поднял, чтобы снять родовой перстень.

- Лада, я не могу снять его здесь. Это не перстень, это клятва. Если я сниму его не по обряду, кровь польется у меня из руки, и у тебя тоже. Я сниму его в совете, при всех, как положено. Но сначала ты должна подать жалобу, иначе совет не примет мое отречение.

- Я подам жалобу через час. Ярек, пойдем.

Я закрыла дверь перед его лицом. Впервые его приказ не имел силы, и мы оба это поняли.

Дверь лязгнула щеколдой, и я осталась стоять, прижавшись к ней спиной. Щека горела от ветра, в горле стоял привкус его дыма - железа, хвоя, чего-то горького, что я узнала бы из тысячи. Сердце колотилось так, что я слышала его в ушах громче, чем утренний перезвон колокольчика Марты напротив.

- Ярек, - сказала я, не оборачиваясь. - Ты видел.

- Видел, - ответил он глухо. - Лада Мирен, я не подпишу, что угодно. Я подпишу только то, что видел. Лист лежал под брикетами, печать сверху чужая, твоя подпись подделана. Больше я ничего не знаю.

Я кивнула, хотя он не мог этого видеть. Хорошо. Мне не нужно было его мнение, мне нужны были его глаза.

Я подошла к верстаку, взяла чистый лист из стопки, что оставила Мирца еще вчера. Чернила стояли в глиняной чер-

нильнице, рядом - перо, надкушенное мной же на рассвете, когда я писала первый заказ. Я обмакнула перо, и рука пошла ровно. Жалоба была короткой, сухой, как предписание. Я просила совет мастеров рассмотреть подмену подписи в записи о снятии родовой печати с мастерской огненного стекла на Медной улице, открытой самостоятельно Ладой Мирен, без участия рода Арда. Прошение о публичной проверке копоти на стенах соседних домов. И отдельной строкой - требование снять с меня печать рода публичной тройной записью, если совет найдет это справедливым.

Я поставила свою подпись, присыпала песком. Потом перевернула лист и на чистой стороне написала то, что должна была сказать ему в лицо, но не сказала. Не ему - себе. Я перечитала: «Он стоял на пороге моей мастерской без плаща и с бинтом на плече. Он не ушел, когда я закрыла дверь. Он ждал. Я знаю, что он ждал, и я знаю, почему. Но я не войду в эту дверь за ним. Пусть войдет сам. Без броши. Без клятвы. Без рода на пальце».

Я сложила лист, убрала в кожаный мешочек на груди, рядом с тетрадью. Тяжело стало дышать, но не от страха.

- Ярэк, - сказала я. - Мне нужно перевязать Соню и вскипятить воды. Потом мы идем.

Он встал, отряхнул колени, как человек, который только что дал слово и больше не может сесть.

- Я подожду на крыльце, Лада Мирен. Если кто спросит - я чиню твою дверь.

Я кивнула и пошла в угол, где на овчине спала Соня. Девочка ворочалась, обожженная рука была поджата, лицо - мокрое от пота, хотя в мастерской было холодно. Я наклонилась, пощупала пульс на здоровом запястье - ровный, сильный. Опухоль спала, кожа под повязкой розовая, но края раны сухие, стянутые. Я взяла кувшин с водой, нагретой еще с вечера на жаровне, плеснула в глиняную плошку, добавила ложку меда из банки, которую принесла Мирца, размешала чистым пальцем. Получилось простое средство - мед с теплой водой, чтобы рана не сохла. Я осторожно отмочила повязку, сняла. Кожа порозовела, но по краям раны проступала тонкая красная полоса - не гной, просто воспаление от вчерашнего ожога о чужое пламя.

- Соня, - сказала я тихо. - Просыпайся. Надо перевязать.

Она открыла глаза, посмотрела на меня мутно, потом вдруг улыбнулась - одним уголком рта.

- Мастер, а где мой леденец?

- Леденец вчера съел Ярэк, когда думал, что я не вижу. Будет тебе сегодня новый, если будешь сидеть смирно.

Она послушно протянула руку. Я намочила чистую тряпицу в медовой воде, приложила к ране, перевязала свежей лентой, которую оторвала от своего же запасного фартука. Не алая, не парадная - простая, синяя, рабочая.

- Я сегодня иду в совет, - сказала я, не глядя на нее. - Ты останешься с Мирцей. Если придет кто с гербом Арда, не открывай. Если придет без герба и спросит лекарство - дай

ему мед и воду, и пусть уходит.

- А если это он? - спросила Соня шепотом.

Я подняла голову. Она смотрела на меня серьезно, без обычной своей смешливости.

- Если он - тем более. Мед и вода, и пусть уходит. Он глава стражи, а не гость.

Соня кивнула, закрыла глаза, и через минуту дыхание у нее стало ровным. Я выпрямилась, вытерла руки о фартук, подошла к двери.

Ярек стоял на крыльце, спиной ко мне, и смотрел в сторону переулка. У нашего угла стоял мальчишка лет двенадцати, оборванный, босой, с прилипшими ко лбу волосами. Я узнала его - сын Марты Зинич, тот самый, что вчера видел, как Рейнар забрал пустой горшок из-под полыни. Он смотрел на Ярека, на дверь, и глаза у него были круглые от любопытства.

- Ярек, - позвала я.

Он обернулся. Я вышла на крыльцо, заперла дверь на ключ, спрятала в карман фартука. Ключ лег в ткань тепло, привычно, как ложился каждый день с тех пор, как я впервые сама открыла свою мастерскую.

- Мальчик, - сказала я, и он вздрогнул. - Ты что здесь делаешь?

- Ничего, мастер, - ответил он хрипло. - Мамка послала узнать, нужно ли вам углей.

- Не нужно. Скажи мамке, что я ушла в совет, вернусь к

полудню. И если кто спросит - ты меня не видел.

Он кивнул и исчез за углом так быстро, словно его и не было. Я посмотрела ему вслед. Через полчаса весь квартал будет знать, что я иду в совет. Через час - что я иду в совет с жалобой на род Ард. Через два - что бывшая жена главы стражи закрыла дверь перед его лицом и не впустила его в собственную мастерскую.

Пусть знают.

- Ярек, - сказала я, и мы пошли по Медной улице в сторону ратуши. Утреннее солнце лежало на камнях косо, как ладонь на плече. Я шла и чувствовала, как кожаный мешочек на груди давит тетрадью и жалобой, и сердце бьется ровно, потому что наконец-то бьется в правильную сторону.

Утро начиналось с того, что кожаный мешочек на груди стал тяжелее, чем вчера. Я остановилась у фонтана на углу Медной и Кривой, опустила руку под рубашкой, нащупала тетрадь. Пальцы привычно легли на корешок, и я почувствовала, как бумага чуть сдвинулась под моими пальцами. Рядом лежал второй лист - жалоба, написанная на рассвете, с моей подписью и песком, который я так и не стряхнула. Песчинки скрипнули под подушечками, и я убрала руку.

Ярек стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу. Он был выше меня на две головы и шире в плечах, но сейчас выглядел так, будто ему снова стало холодно.

- Лада Мирен, - сказал он, не глядя на меня. - Я должен сказать.

- Говори, - ответила я, не оборачиваясь.

- Вчера, когда ты была у нотариуса, ко мне приходил мальчишка. Сын Марты. Спрашивал, правда ли, что глава стражи стоял у нашей двери как нищий.

- И что ты сказал?

- Сказал, что не знаю. И что мне все равно.

Я посмотрела на него. Он покраснел до ушей, но голос не дрогнул.

- Это правда, - сказала я. - Тебе все равно?

- Нет, - ответил он глухо. - Мне не все равно. Но я не подпишу, что угодно. Я подпишу только то, что видел. Лист лежал под брикетами, печать сверху чужая, твоя подпись подделана. Больше я ничего не знаю.

- Ярек, - сказала я. - Мне нужно перевязать Соню и вскипятить воды. Потом мы идем.

- Я подожду на крыльце, Лада Мирен. Если кто спросит - я чиню твою дверь.

- Соня, - сказала я тихо. - Просыпайся. Надо перевязать.

- Мастер, а где мой леденец?

- А если это он? - спросила Соня шепотом.

Я подняла голову. Она смотрела на меня серьезно, без обычной своей смешливости.

- Если он - тем более. Мед и вода, и пусть уходит. Он глава стражи, а не гость.

- Ярек, - позвала я.

- Мальчик, - сказала я, и он вздрогнул. - Ты что здесь де-

лаешь?

- Ничего, мастер, - ответил он хрипло. - Мамка послала узнать, нужно ли вам углей.

Пусть знают.

Мы шли по Медной улице, и я считала шаги не потому, что хотела считать, а потому что иначе сердце колотилось слишком громко. Двести двадцать шесть шагов до поворота, сорок три до лавки Ярека Лося, если бы он был открыт, но его лавка закрыта. Ставни заперты, на двери - новый замок, тяжелый, кузнечной работы, который Ярек повесил, когда перестал доверять соседям. Мы прошли мимо чайной Марты Зинич, и я поймала на себе ее взгляд из-за занавески - быстрый, жадный, как мышь из щели. Я кивнула. Она кивнула в ответ, и занавеска качнулась.

Ярек шагал рядом молча. Он был из тех мужчин, которые не лезут в чужую голову, пока их не позовут. Я была ему за это благодарна. Молчание рядом с ним было как чистая шерсть - теплое и не липнет. Я поправила кожаный мешочек на груди, пощупала сквозь ткань край тетради и сложенного листа с жалобой.

- Ярек, - сказала я, не поворачивая головы. - Ты знаешь, что совет может отказать.

- Знаю, - ответил он ровно. - Но ты идешь.

- Я иду.

- Тогда мне все равно, что они решат. Я чиню твою дверь, как обещал.

Мы свернули на Каменную, мимо доски объявлений. Я не стала читать. Мне не нужно было читать, я знала, что висит там уже третью неделю: письмо с гербом Арда о бракосочетании Рейнара с Ингрид Сольвей, с припиской Торвена, сделанной тем же чернилом, что и подмена подписи в реестре мастерских. Я прошла мимо, и доска осталась за спиной, как дверь, которую я больше не открываю.

Ратуша выросла впереди - серая, тяжелая, с узкими окнами, как глаза, которые не хотят смотреть. У крыльца стояла Олда, инспектор по ремесленным печам, в своем неизменном сером плаще, и разговаривала с секретарем совета. При виде меня она замолчала, и я увидела, как пальцы ее правой руки сжали папку с печатью чуть крепче. Она не улыбнулась. Она никогда не улыбалась. Но и не отвернулась.

- Мастер Мирен, - сказала она сухо.

- Инспектор Олда, - ответила я и остановилась в трех шагах, чтобы не нарушить расстояние, которое она всегда держала.

- Вы к совету?

- К совету. С жалобой на подмену подписи в реестре мастерских и с требованием снять с меня родовую печать публичной тройной записью, если совет найдет это справедливым.

Олда смотрела на меня так, словно проверяла, не дрогну ли я. Я не дрогнула. Тогда она отступила в сторону, освобождая мне дорогу.

- Секретарь предупредит советника. Ждите в нижнем зале. Вас примут после полуденного перерыва.

- Я подожду, - сказала я.

Ярек остался у крыльца, сел на каменную ступень, как будто собирался чинить невидимую дверь прямо здесь. Олда ушла в ратушу, и я осталась одна на крыльце, под серым небом, с ключом от мастерской в кармане фартука и листом жалобы на груди.

За дверью совета кто-то кашлянул сухим, привычным кашлем человека, который привык сидеть в душных залах. Я не обернулась. Я считала удары сердца, как учила Мирца - ровно, без спешки, по семь ударов, потом вдох, потом снова семь. Это дерево у меня под бедром было старое, отполированное чужими юбками и мужскими коленями, и я почувствовала, как оно чуть прогнулось, когда рядом со мной на скамью сел человек.

Не сразу. Сначала я уловила запах - хвоя, полынь, железная нота одеколона, который я узнала бы из тысячи, потому что три года назад сама выбирала его мужу на именины. Теперь он принадлежал другому. Я не повернула головы. Рейнар Ард сел через проход, на соседнюю скамью, как будто между нами была невидимая стена, а он соблюдал границу.

- Советник тебя не примет, - сказала я тихо, не глядя. - У него перерыв.

- Я знаю, - ответил он. Голос был ровный, но с той хрипотцой, которая у него появлялась после бессонной ночи. -

Я не к советнику. Я к тебе.

Я все еще смотрела на кота на подоконнике. Рыжий, ленивый, с порванным ухом, он умывался с тем полным равнодушием, с которым только коты умеют смотреть на людские дела.

- У меня лист жалобы, - сказала я. - У тебя предписание. Мы не можем говорить. Запись о разводе.

- Я знаю, - повторил он. - Поэтому я здесь не как глава стражи. И не как муж. Как сосед. У меня к тебе соседский разговор.

Кот перестал умываться и посмотрел на меня одним золотым глазом, как будто спрашивал, куда меня занесло. Я медленно повернула голову.

Рейнар сидел на соседней скамье прямо, как на допросе. На нем была та самая серая куртка, в которой он приходил ко мне утром, без плаща, без броши. Руки лежали на коленях, большие, тяжелые, с той же темной отметиной на левой ладони, что была у меня. Я впервые увидела эту отметину так близко. Она была шире моей, старше, и по краям у нее шли мелкие ожоговые рубцы - следы того, что он когда-то пробовал разделить чужой огонь.

- Соседский, - повторила я.

- У меня сломан засов на черном ходе, - сказал он просто. - Я пришел попросить у тебя Ярека. Он обещал починить после обеда. Но совет затянулся, и я не могу ждать. Дом стоит открытый. Ингрид с утра у ключницы, у нее свои ключи

от черного хода. Я не хочу, чтобы она вошла, пока меня нет.

Я молчала. Он не лгал - я слышала это по тому, как он говорил. Когда Рейнар лгал, у него чуть поднималась правая бровь, и в голосе появлялась интонация приказа, даже когда он пытался говорить мягко. Сейчас приказа не было. Была усталость.

- Ярек у меня в мастерской, - сказала я наконец. - Починит тебе засов после полудня, когда я уйду в совет. Не раньше. У меня самого Сонин ожог надо посмотреть, девочка опять ворочалась ночью. А Ингрид, - я помолчала, - если у нее свои ключи, то это твоя беда, а не моя. Я ей двери не открывала.

Он кивнул. Не как глава стражи, не как муж, просто как человек, который принимает ответ.

- Я знаю, - сказал он в третий раз. Потом добавил тише: - Но я хотел, чтобы ты знала, что я здесь. Что я не на той стороне стола, где меня ждет советник. Я на этой.

Кот спрыгнул с подоконника и лег у моих ног, положив морду на лапы. Я почувствовала, как он греет мне подошвы через тонкие башмаки.

- Ты на этой, - сказала я. - Но ты все равно Ард. И я все равно твой бывший реестр. Мне от этого не легче.

Он не ответил. Я заметила, как у него сжались пальцы на колене - медленно, по одному, как будто он считал что-то про себя. Я отвернулась.

Из-за двери совета послышался голос секретаря:

- Мирен Лада, мастер огненного стекла.

Я встала. Кот поднял голову, посмотрел на меня с укором, потом снова положил морду на лапы. Я одернула фартук, проверила, что мешочек с жалобой плотно лежит на груди, и пошла к двери.

- Лада, - сказал он мне в спину.

Я остановилась, не оборачиваясь.

- Я не забуду про засов. Ярек придет.

- Я знаю, - сказала я и толкнула дверь.

В зале совета пахло старым деревом, сургучом и тем особенным кислым потом, который бывает от людей, слишком долго сидящих в одной комнате. За длинным столом сидели три старшины, и один из них, сухой старик в очках на шнурке, поднял на меня глаза.

- Мастер Мирен, - сказал он. - Мы получили вашу жалобу. И мы получили жалобу от стражи. Садитесь.

Я села. Руки я положила на колени, спину выпрямила, дышать стала ровно, по семь ударов, как учила Мирца.

На столе передо мной лежали два листа. Один - мой, с жалобой на подмену печати. Второй - с гербом Арда, подписанный Рейнаром как главой стражи. Внизу второго листа стояла приписка от руки, которую я узнала по длинному хвосту буквы Р, задевающему следующую строку: «Подтверждаю, что со стороны стражи препятствий мастеру Мирен нет. Прошу совет рассмотреть жалобу без отлагательства».

Я посмотрела на приписку долго, потом подняла глаза на старшину.

- Я готова, - сказала я. - Я подаю жалобу на подмену родовой печати моей мастерской печатью дома Арда. Прошу совет признать печать поддельной, снять ее с моего реестра и разрешить мне работать под собственным именем. У меня есть свидетели.

Старшина кивнул.

- Свидетели в зале, - сказал он. - Лось Ярек, печник. Зинич Марта, владелица чайной. И ключница дома Арда, Мирца. Все трое подтвердили под клятвой, что печать, приложенная к записи о разводе, подменена. Я прошу вас, мастер, подать оригинал и подменную печать для сравнения.

Я выложила на стол обе половины. Сургуч был теплый от моей груди, и я почувствовала, как чуть дрогнули пальцы, когда я разжала их. Я не дала рукам дрожать больше. Я положила печати рядом и отступила на шаг.

Старшина взял лупу, наклонился, долго смотрел. Потом выпрямился и посмотрел на меня поверх очков.

- Печати разные, - сказал он. - На оригинале восемь игл и чаша над пламенем. На подменной - семь игл и лишняя черта под гербом Арда. Мастер Мирен, кто приложил подменную печать к записи о разводе?

- Этого я не знаю, - сказала я. - Но у меня есть показание ключницы дома Арда, что печать была изготовлена по приказу хранителя родовой печати Торвена Арда и передана ей за две недели до развода.

В зале стало тихо. Я слышала, как за стеной кто-то пере-

ступает с ноги на ногу, и поняла, что это Рейнар. Он не ушел. Он ждал.

- Мы вызовем хранителя печати, - сказал старшина. - А вас, мастер, я попрошу остаться в зале. Вам придется ответить еще на несколько вопросов.

Я кивнула. Руки мои лежали на коленях, ровно и спокойно. Я считала удары сердца и ждала.

За дверью слышались шаги - тяжелые, медленные, с тем особым шарканьем подошв, которое бывает у людей, привыкших входить в чужие залы без стука. Шаги Торвена Арда.

Я подняла голову и стала ждать.

Внутри пахло камнем, старым деревом и тем особенным запахом, который бывает в местах, где слишком много бумаг и слишком мало правды. Я прошла по коридору, миновала дверь с медной табличкой "Архив", миновала другую - "Совет мастеров", и остановилась у третьей, с цифрой семь на жестяной блямбе. Комната ожидания. Внутри стояла деревянная скамья, на стене висел список цехов с ценами за жалобы, а на подоконнике сидел кот, рыжий, ленивый, с порванным ухом.

Я села, положила руки на колени, выпрямила спину. Лист жалобы жег грудь сквозь ткань мешочка. Дверь в зал совета была заперта, но я слышала за ней приглушенные голоса - кто-то спорил, кто-то диктовал, кто-то кашлял в кулак. Я ждала.

Через полчаса за мной пришел секретарь.

Глава 5. Сломанная дверь

Гвоздь не лез в мокрую деревяшку, и я держала его губами, пока обеими руками тянула петлю вверх. Дверь мастерской просела еще до рассвета, и Мирца, забыв привередничать, притащила мне из своей кладовки три чугунные скобы и ржавый крюк. Я выпрямилась, прижала плечом створку, чтобы она не уехала обратно, и вбила скобу одним ударом. Дверь встала на место с тем сухим щелчком, который ни с чем не спутаешь: теперь она закрывается изнутри и снаружи одинаково.

Соня сидела на лавке у печи, обхватив перевязанную руку здоровой. Повязка пахла медом и полынью, опухоль спала, но кожа под ней еще была розовой. Я положила молоток и села рядом, подвинув к ней миску с кашей.

- Ешь. Не спорь.

- А если он придет? - она посмотрела на дверь так, будто та могла ей ответить.

- Мед и вода, и чтобы уходил. Я сказала.

Она кивнула и опустила глаза в миску. Соня спрашивала не о Торвене, не об инспекторе, не о соседях - о Рейнаре. Она боготворила его как спасителя квартала и не понимала, почему я закрыла перед ним дверь. Я и сама до конца не понимала, поэтому просто не пускала.

Мирца вынесла из-за печи свернутый вчетверо лист и по-

ложила на верстак. Это была копия жалобы, которую я утром сдала в ратушу - ее принес назад Ярек Лось, когда возвращался от крыльца. Бумага пахла казенным клеем и чужими чернилами, но подпись на обороте была моя, с той кривой буквой "д", которую я никогда не выправлю. Я спрятала лист в кожаный мешочек, туда же, где лежала тетрадь с расходами, и затянула шнурок.

- Ярек ждет на крыльце? - спросила я Мирцу.

- Ждет. И Марта уже два раза выглядывала из чайной.

Я кивнула. Марта выглядывала не из любопытства - она считала, сколько раз Рейнар сегодня не придет. Весь квартал уже знал, что он стоял у моей двери без плаща и ушел ни с чем.

Скрипнула лестница. Ярек протиснулся в проем, тяжело дыша после подъема, и снял шапку.

- У ратуши тихо. Но внизу, у комнаты совета, Олда ждет. Сказала, после полуденного перерыва примут.

- Хорошо.

- И еще, - он помялся. - Сын Марты сказал, что вчера вечером видел, как Рейнар забрал с крыльца пустой горшок. Из-под полыни.

Я положила руку на мешочек на груди. Горшок с рисков родовой печати на дне я нашла утром сама, на столе у печи, и сразу поняла, кто его принес. Торвен искал ключи и запись о первой калке, чтобы скрыть подмену печати, и нанял для этого управляющего. А Рейнар забрал горшок с крыльца -

значит, он уже знает, чьих рук это дело.

- Ярдек. Если в совете спросят, кто при мне свидетель, ты не отвечай "за должника". Отвечай "за мастера, чью печать подменили". Это разные вещи.

Он кивнул, краснея, и я увидела, как он расправил плечи. Должник стал свидетелем - впервые мне не нужно было прибавлять ему веса словами.

За стеной хлопнула ставня чайной, и Марта просунула в щель голову.

- Лада, там внизу по лестнице идет женщина. В голубом платье. Я таких не знаю.

Я встала. Чужие духи уже тянулись по коридору - сладкие, настойчивые, с нотой чего-то жгучего. Ингрид Сольвей не стала бы приходить без повода, а повод у нее был только один: до заката ждать подпись Рейнара, иначе я пойду в совет с тетрадью и Мирцей. Время вышло.

Я поправила фартук, нащупала сквозь ткань мешочек и пошла к двери. Соня поднялась следом, и я коротко кивнула ей: стой позади, не вмешивайся. Мирца отступила к печи, вытирая руки о передник.

На пороге стояла Ингрид Сольвей в голубом дорожном платье, с перчатками в руках и без звонка. Она смотрела на новую дверь так, будто та ее лично оскорбила, потом перевела взгляд на меня.

- Мастерница Мирен, - сказала она, и голос был ровный, вежливый, с отравой под каждым словом. - Я пришла по де-

лу. Надеюсь, теперь, когда дверь наконец закрывается, мы можем поговорить как взрослые.

- Говорите. У меня мало времени.

Она помолчала, и я впервые увидела в ее лице не расчет, а усталость.

- Рейнар отказался подписать снятие печати. Не потому что не хочет. Потому что ему запретили.

Соня за моей спиной втянула воздух. Мирца перестала вытирать руки.

- Кто запретил? - спросила я.

- Торвен Ард. Сегодня утром. И сказал, что если Рейнар подойдет к вашей двери без него - кровь пойдет у обоих. Я не знаю, правда ли это про перстень. Но Рейнар мне поверил.

Я перебрала все, что знала про родовой перстень, про клятву, про кровь. Рейнар сам говорил мне то же самое, когда стоял на крыльце с бинтом на плече и просил войти. Значит, не врал. Значит, его не пустили не потому, что не захотел, а потому что не смог.

Ингрид ждала ответа. Я вынула из мешочка тетрадь, раскрыла на странице с записью первой калки и протянула ей.

- Прочитайте вслух. При свидетелях. И передайте Торвену Арду: пусть к полудню сам явится в совет. Я не стану ждать подписи от мужчины, которому связали руки.

Она взяла тетрадь, и пальцы у нее дрогнули.

- А если он не придет?

- Тогда я пойду в совет сама. С этой тетрадью, с Яреком

Лосем и с вами в качестве свидетеля, что Рейнар был готов подписать, а ему не дали. Это уже не подмена печати. Это запрет свидетелю. По нашему уставу - публичная вина рода.

Ингрид закрыла тетрадь и вернула мне. Я спрятала ее обратно, в мешочек, и почувствовала под рукой тепло своей кожи.

- Идите. И не возвращайтесь без ответа.

Она сошла по лестнице. Соня тронула меня за локоть здоровой рукой.

- Мастер, а если он правда не сможет?

- Тогда мы обойдемся без него. Мы уже обходимся.

Я подошла к верстаку, взяла молоток и вбила вторую скобу. Дверь встала намертво. Дом держался.

Потом Соня позвала меня из-за печи:

- Мастер, тут кран.

Старый медный кран, который я купила у Ярека вместе с печью, с утра капал в глиняный лоток ровно через каплю. Теперь он просто тек тонкой струйкой, заливая пол под верстаком. Вода подбиралась к нижней полке, где лежали заготовки для первого заказа кухарки Зинич.

- Мирца, тряпку. Соня, отодвинь ящик с песком. Ярек, у тебя ключ от вентиля под печью?

Ярек протиснулся мимо Сони, присел на корточки и заглянул под печь.

- Есть. Но он закис. Надо пить.

- Тащи масло. У Сони на полке банка, я утром видела.

Мирца подала тряпку, я опустилась на колени прямо в мокрое и начала подбирать воду. Пол был холодный, тряпка пахла мылом и железом. Ярек вывернул вентиль, брызнула ржавая вода, и кран затих. Соня подала мне банку, я плеснула масла на соединение, прижала тряпкой и закрутила рукой на пол-оборота. Струйка стала реже, потом превратилась в каплю, потом остановилась.

- Готово. До вечера продержится.

Ярек вытер руки о штаны и посмотрел на меня снизу вверх.

- Я мог бы, - начал он.

- Мог бы. Только я у себя, а ты у себя. У себя - сама.

Он кивнул и поднялся, а я осталась сидеть, переводя дух. В мокром пятне на полу отражалась полка с заготовками, и я увидела в воде собственное лицо - усталое, без румянца, с тенью от бинта на руке Сони на моем плече. Я поднялась, отжала тряпку над лотком и повесила ее на крюк у двери.

- Соня, закрой окно. Сквозняк выстудит печь, а у нас первый заказ к вечеру.

Соня захлопнула ставню, и в мастерской стало тихо. Только печь тихо потрескивала.

Я подошла к полке с заготовками и пересчитала их. Пять блюдец для кухарки Зинич, три зеркальных пластинки для соседской пекарни, одна малая чаша для чайной Марты. На каждое нужно по две калки, итого восемь печных сессий. Угля у меня на четыре, угля у Мирцы в подвале - на две. Я за-

писала в тетради: купить у Ярека два мешка угольных брикетов, занести в расход.

- Мирца, сходи к Яреку, отдай медяк за уголь. Скажи, завтра к полудню. Пусть сам привезет, у него спина не казенная.

Мирца вытерла руки и вышла.

Я достала из ящика под верстаком чистый лист. Записала все, что нужно сделать до совета: отнести жалобу, показать тетрадь, дожидаться Олду, вернуться с решением. Если решение будет не в мою пользу, я запишу его другими словами. Но сейчас - так.

За стеной скрипнула лестница, и в дверь тихо постучали. Не в новую дверь, которую я только что починила, а в старую, нижнюю, ту, через которую Мирца входила с черного хода. Стук был условный - два коротких, один длинный. Так стучала только Мирца.

- Открыто.

Но это была не Мирца. В дверях стоял мальчик лет десяти в грязной куртке, с мозолями на руках. Сын Марты Зинич. В руках у него была жестяная коробка, а на коробке - записка, придавленная камнем.

- Мастер Мирен, - сказал он. - Мамка велела передать. И сказала - не открывать при чужих.

Я взяла коробку. Она была холодная, тяжелая, пахла чайным листом и чем-то медным. Я сняла камень, развернула записку и прочитала.

"Лада. Этот горшок Рейнар вчера забрал с крыльца. Я са-

ма видела. А вчера утром его принес мужик в сером, не из стражи. Мой мальчик запомнил. Если нужно - пусть скажет в совете. Марта."

На обороте тем же почерком: "И еще. У чайной стоял Торвен Ард. Смотрел на твою дверь. Не заходил. Стоял. Я испугалась и закрыла ставни."

Я сложила записку и спрятала в мешочек к тетради и копии жалобы. Коробку поставила на полку. Мальчик смотрел на меня и не уходил.

- Ты голодный?

Он мотнул головой, но глаза его сказали правду.

- У меня в торбе хлеб, - сказал Ярек. - И сыр.

- Отнеси ему. И скажи мамке, что я приду за горшком сама. До совета.

Мальчик взял хлеб и ушел, а я подошла к окну и отодвинула край ставни. Чайная Марты была напротив, и в ее окне горел свет. Марта стояла за стойкой, вытирала кружки и не смотрела в мою сторону. Она не смотрела, но она видела. Она всегда видела.

Я опустила ставню и пошла к печи. Уголь нужно подкинуть, иначе к вечеру заказ кухарки остынет. Соня подавала мне совок, Мирца вернулась с медяком в кармане, Ярек сел у стены. Совет подождет, а печь - нет. Совет решит, чья подпись настоящая. А печь решит, буду ли я утром есть.

Заслонка ходила туго. Я дернула ее еще раз, плечом, и она поддалась со скрипом, выбросив в лицо жар и запах переого-

ревшего угля. Соня отступила на шаг, прикрыла рот рукой.

- Не стой над дыханием. Отойди к полке. Уголь сейчас пойдет.

Мирца закрыла нижний ставень на окне - чтобы никто не увидел огня. Лишний взгляд - лишний слух.

Я подбросила два совка угля, прислушалась к дыханию печи. Ровное, без хрипа. Я вспомнила, как торговалась за нее с хозяином двора, и цена тогда показалась мне грабежом. Теперь она казалась подарком.

- Ярек, встань у двери. Если кто войдет без стука - крикни.

- Кто должен войти?

- Никто. Поэтому крикни.

Он хмыкнул и пошел к двери. Мирца подала мне прут. Я взяла его привычным хватом - левая рука на два пальца ниже правой, локоть прижат к боку - и повела по жаровне, разравнивая уголь. Жар поднимался ровно, без рывков.

- Соня, зеркальная пластинка. Третья слева. Подашь, когда скажу.

- А если не скажешь?

- Тогда не подашь. Значит, не время.

Она кивнула серьезно. После вчерашнего ожога она стала тише, но глаза сделались злее. Злость, которая хочет работать.

Я сделала первый вдох в прут. Пламя внутри меня отозвалось сразу - знакомое, тянущее, как мышца, которая помнит упражнение. Я выдохнула в жар, и он стал гуще. Мирца тихо

ахнула. Она знала, что я умею, но каждый раз, когда видела настоящую калку, у нее дрожали руки. Раньше она прятала это. Теперь не прятала.

- Первая закладка. Соня, давай.

Соня подала пластинку, я приняла ее на прут, поднесла к пламени. Стекло пошло ровно, без пузырей. Я подняла прут выше, где жар гуще, и почувствовала, как стекло тянет к огню. За стеной скрипнула лестница. Ярек напрягся.

- Кто?

- Двое. Идут мимо.

Шаги прошли. Не в нашу дверь. Я выдохнула и повела прут по кругу, набирая форму. Пластинка пошла в бок, я подправила клещами, и стекло отозвалось тонким звоном.

- Звенит, - сказала Мирца.

- Звенит. Значит, чистое.

Чистое стекло звенит. Грязное молчит. Я не знаю, откуда это правило, но оно работало и десять лет назад в отцовской мастерской, и сейчас здесь, на Медной улице.

Я положила пластинку в форму, прижала клещами и выдохнула остаток огня. Стекло остыло, и в нем проявился мой первый за сегодня отлив - мутноватый, с рыжим отливом, но без трещин. Значит, печь чистая. Значит, копоть на стенах соседей не моя.

Я сняла пластинку с формы, положила на полку и посмотрела на руки. Кожа на подушечках пальцев покраснела, на большом пальце вздулся маленький волдырь. Я прижала вол-

дырь к холодному металлу прута, и жжение отступило. Это тоже была цена. За то, что я сегодня смогла.

- Соня, зеркальная. Вторая слева. И банку с водой.

- Сейчас.

- Мирца, сходи к Марте. За горшком. И скажи ей, что я сегодня не приду к вечерней кружке. Дела.

Мирца кивнула и вышла, и в мастерской стало тише. Только печь дышала, и Соня сопела над полкой.

В дверь постучали. Стук был не условный. Обычный, уверенный, три раза. Так стучат люди, которые привыкли, что им открывают.

- Закрыто. Мастерская не работает до полудня.

- Мирен, - сказал голос снаружи. Низкий, с хрипотцой, которую я узнала бы из тысячи. - Открой. Это по делу стражи.

Я медленно опустила прут. Ярек выпрямился у двери и посмотрел на меня. Я качнула головой - нет. Он кивнул и остался у косяка.

- Рейнар, у тебя предписание?

Пауза. Короткая, на один вдох.

- Нет. Устное поручение совета. По копоту.

- Значит, нет предписания. Значит, ты пришел без бумаги.

А я без бумаги дверь не открываю.

Я слышала, как он выдохнул. Тихо, сквозь зубы.

- Лада, я только поговорить.

- Тогда говори через дверь. Я слушаю.

Тишина. Потом его шаг - один, ближе. Я услышала, как он

прислонился к косяку снаружи, и доска тихо скрипнула.

- Я видел лист, - сказал он. - Который ты нашла под брикетами. Это не моя подпись. Подделана.

- Я знаю. Поэтому я иду в совет.

- Я пойду с тобой.

- Нет.

- Лада.

- Нет, Рейнар. Ты придешь в совет как глава стражи или как муж?

Пауза. Я считала удары сердца. Три. Пять. Семь.

- Как глава стражи, - сказал он наконец.

- Тогда ты не можешь войти в мастерскую без предписания. А предписание ты не принес. Потому что ты пришел не как глава стражи.

Тишина стала другой. Пустой. Как будто за дверью стоял человек, которому только что объяснили правила, которые он всю жизнь нарушал.

- Я сниму перстень, - сказал он тихо. - В совете. При всех.

- Хорошо. Я подам жалобу. Потом снимишь.

- Лада...

- Иди, Рейнар. У меня заказ к вечеру.

Я слышала, как он отступил от двери. Один шаг, другой. Потом его шаги по крыльцу, и по лестнице, и затихли за углом. Ярек выдохнул.

- Мастер Мирен, - прошептала Соня. - Это же был...

- Это был глава стражи, который забыл бумагу.

Я повернулась к печи и взяла вторую пластинку. Руки у меня не дрожали.

- Не вернется, - ответила я на немой вопрос. - Он сейчас пойдет к себе в караулку и будет думать, как прийти в совет так, чтобы это не выглядело, будто он пришел из-за меня. Он умеет. Его учили.

Я сняла пластинку с формы, положила на полку рядом с первой. Остынет - проверю край. Если ровный, значит, печь держит жар. Если нет - значит, в кладке трещина, и тогда зимой я замерзну вместе с учениками.

- Ярек, подойди.

Он подошел, вытирая руки о фартук.

- Ты видел лист. Ты держал его в руках. Ты видел подпись.

- Видел. Подделана. Я не писец, но я видел, как ты распи-сываешься на квитанциях. У тебя "Л" с хвостом вправо, а тут хвост влево. И "д" у тебя с петлей, а тут без петли.

- Запомни это. Сегодня после полудня тебя вызовут в совет. Ты скажешь то, что сказал мне. Без добавлений.

- А если спросят, зачем я был у тебя утром?

- Скажешь правду. Пришел за горшком Марты, заодно помог проверить печь. Увидел лист - спросил, что это. Ты не знал, что подпись поддельная, пока я не показала. Это правда?

- Правда, - сказал он и покраснел.

- Значит, так и скажешь.

Соня подняла голову от полки:

- Мастер Мирен, а меня тоже вызовут?

- Нет. Ты останешься с Мирцей. Будешь учиться резать край. Никому с гербом Арда дверь не открывать. Рейнару - даже если придет без герба - только мед и вода, и чтобы уходил. Поняла?

Она кивнула, и я заметила, как у нее сжались кулаки.

Я вернулась к печи. Второе блюдо пошло легче первого. Стекло ложилось ровно. Печь меня приняла.

- Ярэк, ты можешь идти. Нужно переодеться перед советом.

- А если кто придет?

- Соня не откроет. Мирца вернется. А если придет сам Торвен - не открывать. Если придут двое в сером - крикни с крыльца, я услышу.

Ярек надел шапку и замялся у двери.

- Мастер Мирен, спасибо.

- За что?

- За то, что пришел рано утром, когда я еще не знал, что день будет таким.

Первый звонок в дверь раздался, когда я еще держала прут над жаром. Стекло пошло рябью, я убрала руки, и чаша осела в опоке криво - не трещина, но косой край, брак. Я выдохнула сквозь зубы и положила прут на край верстака.

- Соня, посмотри.

Соня подошла, присела, посмотрела. Косой край она увидела сразу - за месяц у печи научилась видеть чужой брак

раньше, чем я успевала его признать вслух.

- Переплавим?

- Нет. Это пойдет в ученический ящик, - я сняла браслетку с опоки. - Пусть лежит, пока не понадобится доказать, что первая калка сегодня не удалась. Если кто спросит.

Она кивнула, не споря. За окном снова стукнули - на этот раз в окно, тише. Я узнала стук Марты: два коротких, один долгий, с паузой, чтобы я не вздрогнула.

Я открыла.

Марта стояла на крыльце в своем платке, руки сложены на животе, как будто несла что-то тяжелое.

- Лада Мирен, - сказала она, и голос у нее был не свой, а тот, которым она говорила, когда не хотела, чтобы кто услышал дальше крыльца. - У меня человек. Не Рейнар.

- Кто?

- Ингрид Сольвей.

Я не шевельнулась. Марта переступила с ноги на ногу и добавила тише:

- Она пришла ко мне в чайную, а не к тебе, это я тебе сразу говорю. Сидит за моим столиком, чай пьет, сахар не ест, меня не зовет. Я с ней разговаривать не стала. Я сказала, что иду к соседке за мукой. А муки у меня в этом году - три мешка, я их сама на ярмарке брала.

- Зачем она у тебя?

- Не знаю. Может, хочет, чтобы я тебя позвала. Может, не хочет. Она не такая, как я думала, Лада. Я много про нее ду-

мала. Она не злая. Она - не знаю, какая. Как кошка, которая думает, что спасает мышь, таща ее в дом.

Соня за моей спиной подняла голову от печи. Я видела в отражении стекла, как у нее сжались пальцы на здоровом запястье.

- Спасибо, Марта, - сказала я. - Скажи ей, что я в мастерской.

- Прямо сейчас?

- Прямо сейчас.

Марта кивнула, накинула платок плотнее и ушла. Я закрыла дверь, повернула щеколду изнутри - той самой щеколдой, которую мы с Мирцой только что поставили.

- Соня.

- Я здесь.

- Когда она войдет, ты сядешь у верстака и будешь записывать. Каждое слово. Не поднимай глаз, но записывай.

Соня взяла тетрадь, нашла чистую страницу, положила карандаш. Рука у нее была легкая, но я видела, как дрогнул мизинец. Я села на свое место у печи, потому что у печи - мое место, и я не собиралась его уступить никому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.